

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН ОТСТУПНИК И ЕГО ЭПОХА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 46.03.05. Педагогическое
образование, профиль: история и обществознание
очной формы обучения, группы 02031302
Кушнир Анастасии Сергеевны

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Болгов Н.Н.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I. ФЛАВИЙ КЛАВДИЙ ЮЛИАН. ЖИЗНЬ ДО ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ	12
1.1. Детские годы будущего императора	12
1.2. Образование Юлиана	17
1.3. Галльская кампания цезаря Юлиана	24
ГЛАВА II. ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА	41
2.1. Внутренняя политика	41
2.2. Религиозная реформа	50
2.3. Внешняя политика. Персидский поход	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	72

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Личность Юлиана Отступника является одной из самых таинственных и неоднозначных фигур в истории Рима, несмотря на короткий срок его правления. Историческая наука помнит его не только как последнего императора-язычника, который предпринял попытку возврата культа язычества в качестве официальной государственной религии, но и как деятельного правителя, отличавшегося небывалой энергичностью, талантом, и вообще, человека, все время стремившегося к самосовершенствованию. Появление такой личности в эпоху поздней Римской империи, когда устои античного мира заметно пошатнулись, кажется удивительным. Тем не менее, Юлиан оказался настоящим представителем эпохи перемен, характеризовавшегося чрезмерной импульсивностью, непоследовательностью, эмоциональностью.

Однако, несмотря на отрицательную оценку христианской историографии, интерес к Юлиану не утихает со времен его правления и по сегодняшний день. Многие проникались необычайной энергичностью этого императора, трагедией его жизни, глубиной его произведений, таинственностью его личности. Неудивительно, что до сих пор Юлиан Отступник и его правление вызывают живейший интерес не только в научных кругах.

Таким образом, актуальность дипломного исследования заключается в том, что деятельность Юлиана Отступника является последней значительной попыткой возврата Римской империи, которая уже была готова перешагнуть в новую политическую и духовную формацию. Одно из последних глобальных столкновений между христианством и античным «язычеством», сопровождаемое борьбой между наступающей системой домината и традициями принципата, безусловно, можно отнести к особенно актуальным и значимым этапам всемирной истории.

Стоит также отметить, что вышеупомянутый период являлся временем культурного ренессанса, по своей структуре близкого к I в. до н.э. и эпохе раннего принципата I-II вв. н.э. И несомненно, личность Юлиана является одной из самых значимых того времени. С точки зрения исторического опыта, изучение и обобщение материалов по данной теме позволяет выйти на новый уровень исторического синтеза по актуальным проблемам, которые представляют на сегодняшний день повышенный научный интерес для ученых-историков.

Объект исследования – правление императора Юлиана Отступника.

Предметом исследования является специфика политической деятельности императора Юлиана Отступника, его взгляды и мировоззрение.

Хронологические рамки исследования соответствуют годам правления Юлиана Отступника, нижняя граница определена 361 годом, верхняя - 363 годом.

Методологической базой исследования является основа на принципы историзма и объективности, а также на теорию локальных цивилизаций, позволяющая более детально рассмотреть различные стороны культурно-исторического процесса в движении и эволюции.

К методам нашего исследования относится общенаучный метод анализа и синтеза, а также специальные исторические методы:

1. историко-генетический, который ориентирован на поиск происхождения того или иного рассматриваемого явления;
2. Проблемно-исторический метод был использован для последовательного раскрытия ряда изменений в деятельности императора, касающихся постепенного ужесточения его политики в отношении христианства;
3. метод контент-анализа, который нацелен на анализ содержания источников и исследовательских возможностей при работе с ними.

Совокупность использованных методов, а также комплексный подход к источникам определил достоверность и обоснованность сделанных выводов.

Степень изученности проблемы. Несмотря на тот факт, что до XVI в. образ Юлиана Отступника рассматривался по большей части с точки зрения церкви, а сам Юлиан представал как гонитель христиан, приравниваясь к Диоклетиану, интерес к этому правителю никогда не снижался. Формирование взглядов о Юлиане Отступнике стоит разделить на четыре периода:

1. Первый период (XVII-XVIII вв.) характеризуется деятельностью ученых, более конкретно изучающих историческую действительность эпохи правления Юлиана и мировоззренческую среду того времени. Именно на этих материальных фактах ученые предпринимают попытку интерпретации идейных воззрений и политической деятельности Юлиана. Данный период также характеризуется возросшим интересом к сочинению Аммиана «Римская история», которое считается главным источником эпохи правления Юлиана. Согласно Ф. Вольтеру, в эпоху Просвещения император Юлиан перестал быть «философом на троне», и стал борцом против засилья Церкви¹.

2. Второй период (XVII-XVIII вв.) в развитии западной историографии периода правления Юлиана характеризуется попытками воссоздания исторических реалий эпохи императора тогдашней духовной среды, для того, чтобы на этом фоне истолковывать мировоззрение и политическую деятельность Юлиана Отступника. Значительным трудом этого периода можно по праву считать монографию Г. Арнольда, в которой автор соотносит антихристианскую политику Юлиана с собственной антиклерикальной позицией, чем выражает свою явную симпатию и сочувствие Юлиану².

3. Третий период (вторая половина XIX в. – начало XX в.) связан с накоплением фактического материала по времени Юлиана Отступника.

¹ Hay Gillies C. Julian the Apostate in Montaigne and Vigny // The Modern Language Review. 1960. Vol. 55, No. 4. - P. 578-579.

² Arnold G. Unpartheische Kirchen und Ketzer-Historien. Francf. am - M., 1688.

Именно в этот период произошло обнаружение греческим исследователем Попандопуло-Керамевсом новых писем Юлиана и восстановление К. Нейманом части трактата «Против галилеян» на основании труда Кирилла Александрийского «Десять книг против язычества», где Кирилл подробно разбирает трактат Юлиана «Против галилеян», который был уничтожен в связи с приказом императора Феодосия Великого. Стоит отметить, что труды западных ученых этого периода, в основном, посвящены истории Римской империи IV века и религиозным конфликтам, но и уделяются существенное внимание и императору Юлиану. Происходит более внимательное изучение исторической фигуры Юлиана следующими учеными: А. Неандер³, А. Беньо⁴, Ф. Штросс⁵, Э. Ламе⁶, А. де Брольи⁷, А. Навилль⁸, Ф. Роде⁹, А. Ревилль¹⁰, А. Мюкке¹¹, Г. Буассье¹², В. Кох¹³.

3 Neander A. Der Kaiser Julian und Zeitalter. Leipzig, 1813.

4 Beugnot A. Histoire de la destruction du paganisme en occident. P., 1835.

5 Strauss Fr. Der Romantiker auf dem Throne der Caesaren. Mannheim, 1847.

6 Lamé E. Julien l'Apostat. Paris, 1861.

7 De Broglie A. L'Eglise et l'empire romaine au IV siècle. P., 1866.

8 Naville A. Julien l'Apostat et sa philosophie du polythéisme. Paris, 1877.

9 Rhode F. Geschichte der Reaction Kaiser Julians. Jena, 1877.

10 Reville A. L'empereur Julien // Revue de l'histoire des religions. T. XIII-XIV. 1886.

11 Mücke A. Flavius Claudius Julians nach den Quellen. Goetha, 1896.

12 Буассье Г. Последние времена язычества. Исторические очерки конечных религиозных столкновений на Западе в IV в. / Пер. Н. Трескин. СПб., 1893.

13 Koch W. Kaiser Julian, seine Jugend und Kriegsthaten. Berlin, 1900.

Многие историки симпатизировали Юлиану как правителю, и это повлекло за собой рождение многих ошибочных суждений. Немецкие исследователи конца XIX в., и отечественные историки начала XX в. больше интересовались религиозной политикой Юлиана, а, точнее, одним из ее аспектов – отношениями Юлиана с христианской религией¹⁴. Однако, уже в начале XX в. в свет вышли труды других западноевропейских ученых, которые рассматривают личность Юлиана и его правление в целом: Г. Негри¹⁵, П. Аллар¹⁶.

4. Четвертый период (вторая половина XX в.). Четвертый период ознаменован продолжением изучения эпистолографического наследия Юлиана. Так, например, появляется первая часть собрания трудов Юлиана Отступника на французском языке, куда вошли не только письма, но и речи и религиозные гимны¹⁷. Вторая часть издания появилась уже следующем году, которая была дополнена художественными произведениями Юлиана: «Пир или Цезари» и «Мисопогон»¹⁸. Также выходит немецкий перевод труда Ж. Биде¹⁹ и пятое издание труда Г. Негри²⁰. Все это говорит об укоренившемся в научных кругах комплексном подходе к изучению личности Юлиана Отступника. В 60-х гг. XX века выходит еще одна крупная работа

14 Gardner A. Julian, philosopher and emperor and the last struggle of paganism against Christianity. L., 1895.

15 Negri G. Julian the Apostate. London, 1905.

16 Allard P. Julien l'Apostat. Paris, 1910.

17 Empereur Julien. Oeuvres completes, II Pt. 1: Discours de Julien l'empereur, ed. and tr. Gabriel Rochefort. Paris, 1963.

18 Empereur Julien. Oeuvres completes, II Pt. 2: Discours de Julien l'empereur, ed. and tr. Gabriel Rochefort. Paris, 1964.

19 Bidez J. Julian der Abtrünnige. Transl. H. Rinn. Munich 1940.

20 Negri G. L'Imperatore Giuliano l'Apostata. Studio storico. 5th ed. Milan 1954.

итальянского ученого Дж. Риччиотти, переведенная в скором времени на английский язык²¹.

Стоит отметить, что данный период характеризуется интересом и к отдельным биографическим эпизодам жизни Юлиана, к примеру, ученым становятся интересны отношения Юлиана с династией Константина Великого и ранним годам. Здесь можно отметить статьи Дж. Войта²², Анны Хаджиниколау²³, А. Пиганьоля, Р. Ремондона, А. Шастаньоля, Р. Браунинга, Э. Пака²⁴.

Значительным зарубежным трудом является монография английского исследователя Г. Уоррена Бауэрсока «Юлиан Отступник»²⁵, в котором даются различные аспекты биографического характера Юлиана, и собраны все исторические упоминания о Юлиане, а также все историографические работы о Юлиане, которые были изданы к этому времени.

Что же касается, последних работ, то можно отметить монографию П. Атанасиади-Фоуден «Юлиан и эллинизм: интеллектуальная биография»²⁶, где рассматривается деятельность Юлиана с точки зрения его воззрений и убеждений.

Обращаясь к *отечественной историографии*, то повышенный интерес к личности Юлиана наблюдался во второй половине XIX – начале XX века. В

21 Ricciotti G. L'Imperatore Giuliano l'Apostata secondo i documenti. Milan 1956 / Transl. by M. J. Costelloe. Julian the Apostate. Milwaukee 1960.

22 Vogt J. Pagans and Christians in the Family of Constantine the Great // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. A. Momigliano. Oxf., 1953. P. 38-56

23 Hadjinicolaou A. Macellum lieu d'exil de l'empereur Julien // Byzantion. 1951. Vol. 21. P. 15-22.

24 Pack E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Städte und Steuern in der Politik Julians. Bruxelles, 1985.

25 Bowersock G. W. Julian the Apostate. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978.

26 Brodd J. B. Apostate, philo-Semite, or syncretic Neoplatonist?: Julian's intentions for rebuilding the Jerusalem temple. Ph.D. diss... University of California, Santa Barbara, 1992.

это время появляются работы исследователей, отличающихся скрупулезным изучением источников и объективным подходом к личности Юлиана, что свидетельствует о несомненном интересе и постепенном ослаблении влияния церковной традиции на оценку его личности²⁷.

Важной работой можно считать монографию русского исследователя Н.Н. Розенталя, целью которого является восстановление по сохранившимся памятникам живого образа Юлиана Отступника и объяснение его религиозной трагедии²⁸.

Во второй половине XX века отечественные исследователи проявили интерес к фигуре, в основном, интересуясь его реформаторской деятельностью в области религии. Здесь стоит сказать о трудах А.Б. Рановича²⁹, И.С. Свенцицкой³⁰.

Вторая половина XX века также была ознаменована выходом полного собрания писем Юлиана, переведенное Д.Е. Фурманом и А.Ч. Козаржевским³¹. В это же время были изданы некоторые работы, основной направленностью которых было изучение различных аспектов правления Юлиана: его литературного наследия, философских воззрений и политической концепции³².

27 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношение к христианству. - Казань, 1877; Вишняков А. Император Юлиан Отступник и литературная полемика с ним св. Кирилла Александрийского в связи с предшествующей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. - Симбирск, 1908.

28 Розенталь Н.Н. Юлиан Отступник: трагедия религиозной личности. - Петроград, 1923.

29 Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. - М., 1990.

30 Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. - М., 1989.

31 Император Юлиан. Письма / Пер. Д.Е. Фурмана и А.Ч. Козаржевского // ВДИ. 1970. - № 1-3.

32 Попова Т. В. Письма императора Юлиана // Античная эпистолография. Очерки. - М., 1967. С. 226–259; Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). - М.: Наука, 1974; Аверинцев С.С. Император Юлиан и становление

Таким образом, анализируя историографию по теме нашего исследования, можно сделать вывод о том, что на протяжении всего времени формирования мнения о Юлиане Отступнике происходило постепенное углубление знаний о его личности. Появление новых исторических свидетельств порождало возрастание интереса не только к его политической деятельности в области религиозной религии, но и к окружающим его условиям, к обстоятельствам его жизни. Стоит отметить, что и в западной, и в отечественной историографии полемика о Юлиане Отступнике продолжается и на сегодняшний день.

Целью исследования является изучение роли личности и деятельности императора Юлиана Отступника на ход развития истории Римской империи.

В соответствии с поставленной целью нами были сформулированы **следующие задачи:**

1. Проанализировать детские годы будущего императора;
2. Дать характеристику образованию и формированию мировоззрению Юлиана;
3. Рассмотреть особенности галльской кампании цезаря Юлиана;
4. Изучить специфику внутренней политики Юлиана;
5. Провести анализ религиозной реформы императора;
6. Охарактеризовать внешнюю политику, в частности персидский поход Юлиана.

Источниковая база. Историческая эпоха Юлиана Отступника была отображена в различных источниках. Стоит сказать, что письма Юлиана сохранились в отличном состоянии, несмотря на отношение к ним поздних христианских императоров. Тем не менее, сам император Юлиан не готовил свои письма к изданию, но, несмотря на это уже при его жизни были выпущены первые сборники с его письмами, ценившиеся современниками как исторические памятники и образцы хорошего стиля.

«византизм» // Традиция в истории культуры. - М., 1978. С. 79–84.

Помимо писем Юлиана можно отметить произведения следующих языческих авторов: Либания³³ и Аммиана Марцеллина³⁴. От Либания также дошли письма, которые были адресованы Юлиану. Самым ранним из них принято считать письмо от 357 г., в котором ритор поздравляет цезаря Юлиана с военными победами в Галлии (Lib. Ep. 525). Ввиду того, что Либаний являлся современником и близким другом императора, его труды представляют большую ценность, но стоит учесть, что в некоторых моментах оценка им Юлиана, как правителя, оказывается излишне пристрастной. «Надгробная речь Юлиану» этого же автора содержит много подробностей из жизни императора.

Наиболее объективным и полным источником по истории времени Юлиана Отступника стоит считать «Римскую историю» Аммиана Марцеллина. Аммиан посвятил Юлиану несколько книг своей истории и проявил себя как беспристрастный историк в своей оценке деятельности Юлиана, укоряя его за ужесточение религиозной политики, например, за эдикт о запрете христианам.

Несмотря на то, что христианская церковь имела враждебный настрой по отношению к Юлиану, стоит сказать, что практически все христианские историки IV-V вв. в своих произведениях упомянули Юлиана. Особенно примечательными являются две речи Григория Богослова под названием «Первое и Второе обличительное слово на царя Юлиана»³⁵. Труды церковных

33 Либаний. Речи / Пер. С. Шестакова. - Казань, 2012.

34 Аммиан Марцеллин. Римская История / Пер. Ю. Кулаковского – М., 2000.

35 Григорий Богослов. Первое и Второе обличительное слово на царя Юлиана. - СПб., 1827.

историков Феодорита Киррского³⁶, Руфина³⁷, Созомена³⁸ и Сократа Схоластика³⁹ также представляют особый интерес для нашего исследования.

Однако, не только нарративные источники являются документальным свидетельством правления Юлиана. Здесь стоит также отметить и – законодательные (Кодекс Феодосия), нумизматические (монеты) и эпиграфические (надписи). Большое значение имеют и памятники искусства (скульптурные бюсты Юлиана)⁴⁰.

Таким образом, использование данных источников дало возможность опереться на значительный фактический материал, послуживший основанием для выводов и обобщений. Актуальность темы исследования, ее масштабность, недостаточность разработанности в отечественной и зарубежной историографии дают основание тому, что выпускная квалификационная работа несет в себе **научную новизну**.

Практическая значимость исследования заключается в том, что данный материал можно использовать при организации факультативов по истории Древнего Рима в средних и высших образовательных учебных учреждениях.

Структура дипломной работы включает в себя введение, две главы, заключение и список источников и литературы.

Апробация основных положений дипломной работы состоялась на различных конференциях в Белгороде. По результатам выступлений имеются

36 Феодорит Кирский. Церковная история. - М., 1993.

37 Церковная история // Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. – СПб., 2005.

38 Церковная история Эрмия Созомена. – М., 2014.

39 Сократ Схоластик. Церковная история. – М., 1995.

40 Scotton P.D. A New Fragment of an Inscription from the Julian Ba-silica at Roman Corinth // Hesperia. 2005. Vol. 74, No. 1. - P. 95-100.

публикации: Белгородский диалог 2014: материалы международного научного Форума молодых историков: «Император Юлиан: античная школа в христианизирующемся обществе»; Белгородский диалог–2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов IX Международного молодежного научного форума, г. Белгород: «Литературное творчество императора Юлиана»; Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции: «Юлиан Отступник в Афинах».

ГЛАВА I. ФЛАВИЙ КЛАВДИЙ ЮЛИАН. ЖИЗНЬ ДО ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ

1.1. Детские годы будущего императора

Флавий Клавдий Юлиан родился в 331 г. в Константинополе. Он принадлежал династии Константина, которая правила Римской империей более полувека (305-363 гг.). Его дедом был основатель династии, император Констанций I Хлор, а отцом Юлий Констанций, младший ребенок императора и его второй жены Феодоры. Мать будущего императора, Базилина, происходила из знатного патрицианского рода и была дочерью консула Римской империи Аниция Юлиана (Lib. Or. XVIII, 7). Она умерла почти сразу после рождения мальчика. А спустя шесть лет, в 337 г. отец Юлиана был обвинен в отравлении своего брата, императора Константина Великого, и в ходе солдатского мятежа, жестоко убит вместе с семьей сыновьями императора, которые впоследствии были провозглашены августиами⁴¹.

В своем письме «К совету и народу афинскому» Юлиан пишет, что в этот злополучный день были убиты «шестеро моих двоюродных братьев, а также мой отец, еще один наш общий дядя по отцу и мой старший брат» (Jul. Ad Athen. 3). Тогда удалось спастись лишь Юлиану и его единокровному брату Галлу, которых пощадили вероятно в связи с малолетством одного и врожденной болезненностью другого (Sozom. Hist. Eccl., V, 2).

Эти события навсегда врежутся в память Юлиану и несомненно внесут вклад в формировании его характера, который вберет в себя крайнюю неустойчивость, возбудимость, нервозность, доходившую до истеричности, подозрительность ко всем окружающим, в том числе, к своему брату Констанцию. По мнению Юлиана именно Констанций приказал расправиться

41 Дмитриев В.А. Юлиан Отступник: человек и император // Метаморфозы истории: Альманах. - Псков, 2003. - С. 246.

с его семьей (Jul. Ad Athen. 3). Об этом упоминает и византийский историк Зосим, между тем как Евтропий и Аврелий Виктор ограничиваются выражениями: «*Sinente protinus, quam jubente*», «*incertum, quam suasore*», «*vi militum*»⁴². Как сообщает Я. Алфионов, Констанций неоднократно раскаивался в своем участии в жестокой резне, погубившей впоследствии всех его родственников, но все же утверждал, что его вынудили пойти на этот шаг приближенные евнухи⁴³. Таким образом, в самом раннем детстве Юлиан вместе со своим старшим братом остались круглыми сиротами под опекой Констанция. Эти события и понимание Юлиана, в какой опасной обстановке он живет послужат развитию в нем склонности к размышлениям о вечности, о жизни и смерти, интереса к изучению философской и богословской мысли.

Сразу после случившегося, Юлиана и Галла разлучили, и какое-то время они жили порознь: Юлиана отправили в Вифинию, где находилось его поместье, которое досталось ему от родственников по материнской линии (Jul. Ep. 4, 426d), а Галла отослали в Эфес, в Ионию (Amm. Marc., XXII, 9, Socr. HE, III, 1).

В Вифинии воспитателем Юлиана стал Евсевий, епископ Никомедии, а гувернером евнух Мардоний, по происхождению скиф, принявший христианство, но также увлекавшийся языческими древностями. Полагалось, что Евсевий должен был обеспечить мальчику христианское образование, но он ограничился только тем, что поручал Юлиану учить молитвы. Видимо, к этому периоду нужно относить зарождение враждебности Юлиана к христианской вере⁴⁴. Однако Юлиан, будучи любознательным подростком много читал, и под надзором Мардония, который напротив был озабочен его образованием, начал изучать сочинения Гомера и Гесиода. Мардоний,

42 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношения к христианству. – М., 2012. – С. 77.

43 Там же. - С. 79.

44 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. - М., 1996. – С. 92.

заметив истинный интерес Юлиана к своим рассказам о греческой культуре и искусстве, так же посоветовал ему произведения Платона, Аристотеля и Фреофраста.

В воспитании главной задачей он видел внушить мальчику твердое убеждение сохранять в своей наружности важность и вместе с тем скромность в поведении, обращая внимание, что главная и высшая добродетель человека заключается в самообладании⁴⁵. П. Аллар замечает, что «Мардоний очень строго отбирал книги, стараясь, чтобы они заменили его воспитаннику развлечения юности (театр, скачки, цирк) и оказали бы влияние на его характер, привычки, чувства»⁴⁶.

А вот как сам Юлиан описывает свое времяпровождение на Астакийской вилле: «Там полная тишина, и можно сидеть, смотреть в книгу и, отдыхая время от времени, любоваться прекрасным видом моря и кораблей» (Jul. Ep. 4, 427b). Чувствуя себя одиноким в окружении людей Констанция II, Юлиан был очень привязан к своему воспитателю Мардонию и благодарен ему за внимание и заботу. Спустя время, Юлиан напишет, что «доброта Мардония была лучом солнца», среди тех сумрачных дней его жизни (Jul. Misop., 351).

Впрочем, в скором времени безмятежная жизнь в Вифинии закончилась. Юлиан уже не был ребенком, и окружающие начали интересоваться им. У Констанция не было детей, поэтому он хорошо понимал, что его двоюродные братья, оставшиеся у него на попечении, по-прежнему могут претендовать на трон Римской империи⁴⁷. Видимо, поэтому по достижении Юлиана одиннадцати лет, император принял решение

45 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношения к христианству. – М., 2012. – С. 80.

46 Allard P. Julien l'Apostat. - Paris: Librairie Victor Lecoffre, 1910. T. I. - P. 269.

47 Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. – СПб., 1997. – Т.2. – С. 345.

отправить его вместе с Галлом еще в более уединенное место, где они не смогли бы привлечь чье-то внимание.

Так, в 342 г. Галл и Юлиан отправились в Кападокию и поселились, по словам историка Созомена, в прекрасном замке Мацеллум, у самого подножия горы Аргей (Soz. HE, V, 2). Но, несмотря на все великолепие каппадокийских мест, здесь подросток чувствовал себя неуютно. Галл в отличие от Юлиана, быстро привык к обычным развлечениям, его не интересовали книги, общество, он предавался удовольствиям вроде псарни и конюшен. Юлиан же тяжело переживал постоянный надзор со стороны воспитателей, которым было приказано бдительно наблюдать за поведением братьев и подслушивать их разговоры⁴⁸. Окружение, в котором так нуждался юноша, состояло из христиан арианского толка. Общение с этим окружением раздражало молодого человека, но он старался скрывать свои мысли и чувства.

Так же для прикрытия Юлиан посещал церковь, соблюдал посты и даже был посвящен в чтецы. Единственным другом, который находился рядом и скрашивал пребывание Юлиана в Мацеллуме, был Мардоний⁴⁹. После в своих письмах Юлиан будет описывать жизнь в Мацеллуме и приравнивать ее к заключению в «персидских крепостях» (Jul.), куда не допускали ни одного посетителя, где не было правильного обучения и занятий, приличествующих свободным людям.

Главным для Констанция было то, чтобы его двоюродные братья не задумывались о претензиях на престол, поэтому он дал установку по воспитанию и обучению Юлиана и Галла. Мальчики должны были читать лишь молитвы и постигать труды отцов, а многочисленные учителя-христиане в свою очередь старались им прививать желание уйти в монахи.

⁴⁸ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). – СПб., 1998. – С. 60.

⁴⁹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. – СПб., 1997. – Т.2. – С. 346.

Обращая свое внимание на отношение братьев к такому процессу обучения, Э. Гиббон пишет, что Галл беспрекословно посещал занятия и с усердием предавался христианскому чтению, которое, впрочем, не повлияло на его поведение и склонности, Юлиан же не подчинялся пассивному и беспрекословному повиновению, как того требовали учителя и воспитатели⁵⁰.

По словам оратора Либания, учителем риторики был некий Экеболий, «негодный софист, заслуживший благосклонность Констанция своими поношениями против языческих богов» (Lib. Or. XVIII, 12).

Так же Юлиану преподавал Георгий Каппадокийский, арианин, епископ кесарийский. С ним у Юлиана сложились неоднозначные отношения. Он недостаточно доверял Георгию, однако знакомство с ним пошло на пользу: Юлиан получил доступ в библиотеку Георгия. Там он нашел большое количество философских книг, начал втайне изучать сочинения античных авторов, Платона, Аристотеля, Пифагора и Гераклита, а также труды неоплатоников Плотина, Порфирия и Ямвлиха⁵¹.

Юлиан был в восторге от философии неоплатоников, в особенности от сочинений Ямвлиха и после писал своему другу Приску, что «рядом с ним другие ничего не стоят.» (Jul. Ep. 12) Познакомившись с некоторыми трактатами Ямвлиха, он задумался о своей жизни и подался рассуждениям о языческих богах, а именно о солнечном боге эллинов Гелиосе, которого в дальнейшем будет считать своим покровителем и сделает его верховным божеством своего пантеона⁵². Но Юлиан никому не мог рассказать о своих открытиях, так как его рассуждения противоречили тем религиозным взглядам, которые всячески старались закладывать в его мировоззрение христианские учителя.

50 Там же. – С. 349.

51 Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. - М., 1994. – Т. 3. – С. 62.

52 Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism. - Oxford, 1981. - P. 240.

Раннехристианский историк Созомен описал жизнь братьев в Каппадокии с положительной стороны, объясняя это тем, что там Юлиан и Галл получили все царские почести, пользовались наставлениями в учении и гимнастике, читали церковные книги и хаживали в молитвенные дома (Soz. HE, V, 2). Внимательное изучение Юлианом церковных трудов, его интерес и впечатлительность, все это обогатило знания Юлиана о христианстве и не могло не оставить отпечаток в его мировоззрении. Вероятно, поэтому в дальнейшем его религиозные представления и преобразования будут пронизаны христианскими мотивами, а некоторые склонности ума и сердца присущи той вере, которую он якобы отвергал.

Тем временем дела в империи обстояли не лучшим образом. Исходящая от зарубежных врагов угроза, в частности, на востоке к тому времени приумножил силы персидский царь Шапур (Сапор) II, война с которым продолжалась уже двенадцать лет, а Галлию неустанно атакуют варварские племена франков и аламанов, вынуждала императора Констанция постоянно пребывать на арене военных действий. Поэтому Констанций начал задумываться о соправителе и решил призвать к себе своих братьев⁵³.

В 349 г. Юлиана и Галла снова разлучают. Галл прибывает в Антиохию для получения должности, а Юлиана направили в Константинополь, как более усердного в учебе, для продолжения образования⁵⁴.

Таким образом, можно видеть, что в раннем возрасте Юлиан пережил самые тяжелые моменты своей жизни. Потеря самых близких людей, матери, отца и практически всех родственников, пребывание вне общества и постоянный надзор людей императора - все это отразилось на формирующейся личности молодого человека. В окружении юноши не было людей, которые относились бы к нему с искренним участием, лишь

53 Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. - М., 1994. - Т. 3. - С. 58.

54 Вишняков А. Император Юлиан и литературная полемика с ним св. Кирилла, архиепископа Александрийского в связи с предшествующей ей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. - СПб., 2009. - С. 105.

Мардоний был поистине озабочен воспитанием Юлиана. В раннем возрасте он привил мальчику любовь к книгам, откуда Юлиан и черпал все свои знания, посоветовал к прочтению труды выдающихся античных философов и представителей популярного философского течения тех лет – неоплатонизма, которое станет основой в формировании его мировоззрения.

1.2. Образование Юлиана

Юлиан покинул столицу еще ребенком. Вернувшись в Константинополь после шестилетнего пребывания в Каппадокии, он поистине восхитился его превосходством и красотой. Больше всего примкнули к себе его взор памятники античного искусства, появившиеся еще при Константине Великом и изображавшие богов и мифических героев.

Констанций был благодушно настроен к Юлиану, что проявилось прежде всего в возвращении наследства матери, которое по праву принадлежало юноше. Так же Констанций предоставил брату колесницу для передвижения по улицам города, что соответствовало его положению. Впрочем, Юлиан отдавал предпочтение пешим прогулкам по Константинополю, при этом, для того чтобы не отличаться от простых жителей, он одевался предельно просто⁵⁵.

Спустя время, познания Юлиана стали предметом восхищения окружающих, что сделало молодого человека достаточно популярным, а императора Констанция заставило обеспокоиться данным фактом (Soz. HE, V, 2; Socr. HE, III, 1). Население понимало, что Юлиан также принадлежит к династии Константина Великого, а значит, может претендовать на престол.

Под предлогом продолжения образования, Констанций решает отправить Юлиана в Никомидию, куда был ранее сослан за религиозные

55 Бенуа-Мешен Ж. Император Юлиан или Опаленная мечта - М., 2001. – С. 57.

воззрения знаменитый в то время ритор Либаний⁵⁶. По наставлению Констанция, Юлиану было разрешено общаться с окружающими людьми, но запрещено слушать речи Либания, во избежание влияния идей ритора на его мировоззрение⁵⁷. Впрочем, есть мнение, что именно преподаватель по риторике Экеболий вынудил ученика поклясться, что тот не станет посещать занятия Либания. Юлиан поступил хитро, он сдержал свое слово, не появляясь лично на занятиях, но нашел человека, который записывал речи ритора, а затем передавал их Юлиану. В дальнейшем, молодой человек приобретет в лице Либания близкого друга и наставника, который будет восхищаться своим учеником и его усердием в познании его учения⁵⁸.

На тот момент Никомидия являлась крупнейшим образовательным центром, наравне со школами Пергама, Анкиры, Смирны, Кесарии Каппадокийской и Кесарии Палестинской. Знатное происхождение, грамотность, эрудиция, вежливость – благодаря этим качествам Юлиан оказывается в центре внимания, что, несомненно, также повлияло на формирование его личности.

В 351 г. юноше исполнилось двадцать лет. Аммиан Марцеллин, описывая внешность Юлиана, повествует нам, что роста он был среднего, пропорционально сложен; сильные, широкие плечи говорили о хороших физических данных; лицо обрамлено густой, подстриженной клином бородой, красиво посажены брови, нос прямой, рот немного крупноват, а глаза приятные, полные огня (Amm. Marc., XXV, 4, 22). В это время в жизни Юлиана происходят новые события.

В том же 351 г. цезарем Востока империи Констанций назначает Галла и отправляет его в Антиохию (Eutr. Brev., X, 12.1; Aur. Vict. Caes., 41). Это

56 Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. - М., 1994. – Т. 3. – С. 59.

57 Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). – СПб., 1998. – С. 62.

58 Ковалев С.И. История Рима. - М., 2006. - С. 804.

был вынужденный шаг императора, так как его брата Константа I убил узурпатор Магненций, и других родственников, кто мог бы стать наместником на Востоке и защищать регион от угроз персов, у Констанция больше не было. По дороге в резиденцию, Галл наведился в Никомидию, чтобы встретиться с братом. В Юлиане он увидел некие изменения, которые обеспокоили его. Сразу после отбытия Галл прислал Юлиану священника Аэция, приверженца аномеев, крайнего течения в арианстве, обладавшего великолепным красноречием. Аэций должен был вызвать юношу на откровенность, но Юлиан успел выяснить каковы религиозные воззрения Аэция и заранее подготовился к разговору. Юноша старался не выдать своих мыслей и пристрастий, поэтому обсуждал со священником только лишь политические, богословские и моральные вопросы. По истечении беседы, Аэций был настолько очарован молодым человеком, что в своем отчете цезарю, характеризовал Юлиана только с положительной стороны, говоря о чистоте его намерений и твердости убеждений. Но именно в этот момент Юлиан понимал, что истинные религиозные пристрастия у него совершенно иные⁵⁹.

Прочитав отчет священника, Галл возрадовался, и разрешил брату продолжить изучение философской мысли. С этого момента начинается путешествие Юлиана по Малой Азии. Первый город, в который он прибыл, был Пергам. Здесь Юлиан знакомится с Эдесием, руководителем популярного кружка Неоплатоников. По мнению Евнапия, Эдисий был талантливым учеником Ямвлиха, поэтому именно он становится во главе школы (Eunap. VS). Это знакомство вызвало у Юлиана самые положительные эмоции, и молодой человек решает просить Эдесия быть его учителем. Однако философ отказывает ему, ссылаясь на свой возраст.

Тогда Юлиан встречается с его учениками, Максимом, Евсевием, Приском, Хрисанфием, которые в дальнейшем станут самыми близкими его

⁵⁹ Lieu S.N.C., Montserrat D. From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine views: Source history. London: Routledge, 1996. - P. 191.

друзьями. В своих сочинениях Сократ пишет, что именно вследствие общения с Максимом Эфесским взгляды Юлиана обращаются от христианства к язычеству, а также в нем пробуждается желание к единоличному правлению (Socr. HE., III, 1). К слову, споры о его обращении к языческой вере, велись еще между современниками Юлиана. Аммиан Марцелин считал, что еще в детстве, благодаря поэмам Гомера, язычество заинтересовало Юлиана (Amm. Marc., XXII, 5). Мнение Либания сводилось к тому, что Юлиан, в душе был христианином, и лишь только находясь в Никомедии он приобщился к языческой вере (Lib. Prosphonicus). Впрочем, православный исследователь В. В. Болотов считает, что Констанций совершил большую ошибку, отправив Юлиана из Константинополя в Никомидию, где язычество оказало сильное воздействие на его мысли и становление личности⁶⁰.

Стоит заметить, что действительно, в Малой Азии Юлиан устанавливает тесные взаимоотношения с языческой интеллигенцией, что подтверждается его перепиской с ритором Евагрием, Приском, Максимом Эфесским, философом Евстафием, а также с верховным жрецом Феодором. Последнему Юлиан написал, что теперь он посвящен в языческие мистерии, а посвятил его человек, посветивший в свое время Феодора (Julian. Ep. 44, Ad Theod., 452). Этот период жизни был наиболее значимым для молодого человека, так как он не только нашел себя в философии неоплатонизма, но и обрел друзей, которые останутся друзьями на всю жизнь.

Максим Эфесский, считавший себя «теургом», посвятил Юлиана в мистерии богини Гекаты. Византийский историк Евнапий в своей хронике «Жизнеописания софистов», описал ритуалы, которые проводил Максим. Например, в его руках статуя Гекаты будто оживала, а светильники в храме зажигались по приказу (Eunap. VS). Наблюдая за этим, тяга Юлиана к языческому культу стала еще сильнее, и тогда он поверил в свою избранность

⁶⁰ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. – М., 1997. – С. 75.

богами. Когда начали ходить слухи о его яром увлечении философией, которые постепенно дошли и до императора, Юлиан, для того чтобы отвести от себя подозрение «остригся наголо, показывал вид, будто ведет жизнь монашескую, и, тайно занимаясь философией, явно читал священное Писание христиан, был даже поставлен чтецом никомидийской Церкви и, посредством такого притворства, спасся от гнева царского» (Socr. Ibid.).

В 354 г. молодой человек отправляется в путешествие по Трое. То, что он увидел, привело его одновременно в восторг и огорчение. Руины Трои, которые Юлиан так мечтал увидеть были в полном запустении: храмы, алтари, уцелевшие статуи были совершенно не ухожены. Однако пребывание в Трое было недолгим. Вскоре Юлиан поспешно отбыл в Милан, для встречи с Констанцием, который обвинил его в заговоре с Галлом и посягательстве на императорский трон⁶¹.

Правление Галла Востоком империи Аммиан Марцеллин описывает не с лучшей стороны, говоря о произволе власти, тиранских методах правления, деспотическом отношении как к знати, царским сановникам, так и к обычному народу (Amm. Marc., XIV, 7).

В своих письмах Юлиан соглашается, что черты характера Галла были далеки от идеала (Julian. Ad Athenienses, 4), но в то же время защищает брата и считает, что его подло подставили, совершив против него заговор: «Но вот Констанций в угоду евноху, своему постельничему и своему повару, выдал на смерть в руки негодяев своего родича, цезаря, мужа своей сестры, отца своей племянницы, человека, на сестре которого он сам был женат первым браком, человека, связанного с ним по воле богов такими тесными узами родства» (Jul. Ep. Ad S.P.Q. Athen.).

Галл был казнен в Поле, в декабре 354 г. (Amm. Marc., XIV, 7, 9; Philostorg. HE, III, 28). Затем ко двору был вызван Юлиан. Ему так же предъявили обвинение в плетении интриг и чрезмерном увлечении наукой

⁶¹ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. - М., 1997. - С. 77.

(Amm. Marc., XV, 1, 7). Тогда Юлиана отправили в некое местечко Комум (Amm. Marc., XIV, 2). Постоянно опасаясь за свою жизнь, он надеялся лишь на помощь богов и благосклонность императрицы Евсевии (Julian. Ad Athenienses, 6), которая имела значительное влияние на своего мужа и в дальнейшем уговорила его послать Юлиана в Афины⁶².

Считалось, что Юлиан поехал в Афины для продолжения образования, посещения святилищ и памятников эллинской культуры, но в действительности он планировал общение с языческими жрецами (Greg. Naz. Or. V, 125). Там Юлиан подвергся слежке, и через шесть месяцев ему пришлось покинуть греческие земли, но увидеть все величайшие достижения греков молодому человеку все-таки удалось.

Интерес Юлиана к греческой культуре был настолько велик, что прекрасное знание истории и греческого языка сделало его, по мнению, Аммиана Марцеллина, одним из лучших писателей того времени (Amm. Marc., XVI, 4). Не будем забывать, что значительный вклад в формирование знаний о греческой культуре внесли его учителя: Мардоний, познакомивший с величайшими трудами античных философов, а также Либаний, который всем своим стремлением укреплял в сознании своего ученика исключительность эллинской культуры: «Помни, что ты грек, и правишь греками» (Lib. Legat. ad Jul.).

По мнению Г. Буассье, при сравнении язычества и христианства, Юлиан настоятельно отмечал, что язычество получило расцвет в великой Греции, а христианство было зарождено в темной и необразованной Палестине, а значит, эллинская религия, очевидно, выше⁶³.

62 Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). - СПб., 1998. - С. 124.

63 Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV в. - СПб., 1994. - Т.5. - С.103.

Между тем, в Галлии стали усиливаться набеги франков и алеманнов, дунайским рубежам угрожали сарматы, на востоке не прекращались персидские войны, а обвиненный в узурпации власти магистр пехоты Сильван был казнен (Amm. Marc., XV, 5). Поэтому Констанций, несмотря на свои опасения, начинает задумываться о назначении Юлиана цезарем, что происходит не без участия императрицы Евсевии. Она давно намекала мужу, что на этом посту надлежит иметь родственника (Amm. Marc., XV, 8).

Я. Алфионов считает, что императрица руководствовалась политическими причинами. Так как у них с Констанцием не было детей и последним наследником в династии Константина Великого был Юлиан, императрица полагала, что стоило бы заручиться поддержкой будущего императора⁶⁴.

Тогда Констанций принимает решение вызвать к себе Юлиана. По прибытию молодого человека, император вывел его перед войсками и выразил желание сделать его своим соправителем, отметив, что решение будет зависеть «от вашего согласия» (Amm. Marc., XV, 5, 8). Аммиан сообщает, что солдаты в знак одобрения стали ударять щитами по наколенникам и с восторгом смотреть на Юлиана, «стоявшего перед ними в блеске императорского пурпура» (Amm. Marc., XV, 8, 15).

6 ноября 355 г. Констанций провозглашает Юлиана цезарем, выдав за него свою сестру Елену, и после новоиспеченный цезарь отправляется в Галлию для изгнания франков и аламаннов (Socr. Hist. Eccl., III, 1).

1.3. Галльская кампания цезаря Юлиана

⁶⁴ Алфионов Я. Император Юлиан и его отношения к христианству. – М., 2012. - С. 96.

Никто и не мог подумать, что человек, любящий книги, философские беседы, сможет так быстро перевоплотиться из романтика и философа, в бравого солдата, полководца и администратора⁶⁵. Впрочем, военное дело, никогда не интересовало Юлиана, он даже не умел маршировать, но за короткий промежуток времени смог его изучить, начиная с самых азов⁶⁶. Юлиан пишет, что несмотря на то, что он стал цезарем, за ним продолжали следить и ограничивать его во всем: «двери на засовах, стража у ворот, руки моих рабов под строгим надзором, как бы ко мне не проскочила записочка от моих друзей... прислужники все чужие» (Julian. Ad Athenienses, 7). Это говорит о том, что император продолжал не доверять своему ставленнику и для того чтобы контролировать каждый его шаг предпринял ряд мер: поручил приставить к молодому цезарю охрану, назначил на главные должности своих людей, в частности префектом Галлии стал Флоренций, квестором назначил Саллюстия, начальником войск объявил Марцелла, отношения с которым у Юлиана складывались довольно враждебно⁶⁷. К тому же, есть мнение, что Констанций преднамеренно утаил от Юлиана масштаб проблемы в провинции. Император полагал, что новоиспеченный цезарь не справится с подобными трудностями и, отправляя его на арену военных действий, надеялся таким образом избавиться от еще одного претендента на императорский престол (Amm. Marc., XVI, 11, 13).

В послании, адресованном народу и сенату афинскому, Юлиан рассказывает о своем пребывании в Галлии. Так же этот рассказ в подробностях подкрепляется описанием Аммиана Марцеллина. В то время римский историк был непосредственным очевидцем событий,

65 Seager R. Roman Policy on the Rhine and the Danube in Ammianus // The Classical Quarterly. 1999. New Series, Vol. 49. No. 2. - P. 579.

66 Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV в. – СПб., 1994. – Т.5. – С. 584.

67 Григорюк Т.В. Флавий Юлиан и высшие чиновники Империи // Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории. – Ярославль, 2009. - С. 46.

происходивших в провинции. Он состоял офицером в армии Юлиана, сражавшись с ним плечом к плечу вплоть до битвы при Аргенторате⁶⁸.

По мнению Е.Л. Федоровой, тема военных кампаний в Галлии стала излюбленной у римского историка. Автор видит своей задачей не только описание боевых действий, но и считает необходимым увековечить память о Юлиане для потомков. Видимо в связи с этим, Аммиан Марцеллин подробно и последовательно повествует об этих событиях, одновременно стараясь создать портрет Юлиана⁶⁹.

В декабре 355 г. Юлиан прибыл в один из городов Галлии, Виенну. Как сообщает Аммиан, население провинции встретило нового правителя с восторгом и надеждой на перемены. Люди всех возрастов устремились к нему для приветствия. Для них в Галлию прибыл милостивый государь, гений-спаситель, который освободит весь край от варваров (Амм. Марс., XV, 8). Сразу по прибытии цезарю стало известно о захвате франками Колонии Агриппины, а также об успешных грабительских набегах алеманнов на провинцию. В своем «Послании к сенату и народу афинскому» цезарь пишет: «Множество германцев совершенно спокойно расположилось на жительство вокруг кельтских городов, ими же опустошенных. Число городов, стены которых были снесены, доходило до сорока пяти, а сторожевых башен и небольших крепостей было разрушено вдвое больше... даже некоторые города, в окрестностях которых варвары еще не расселились, были, однако, уже покинуты жителями» (Jul. Ad Athen., 7).

Стоит заметить, что до приезда цезаря в Галлию уже в течении нескольких лет варвары учиняли произвол вдоль границ провинции, при этом войска, находящиеся по берегам Рейна и Верхнего Данубия, были отозваны

68 Холмогоров В.И. Римская стратегия в IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ, 1939. -№3.- С. 87.

69 Фёдорова Е.Л. Война и история в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. – Иваново, 2002. – С. 14.

императором для участия в гражданских войнах⁷⁰. Все это может указывать на то, что теперь завоевать римские земли не представляло большой трудности, и германские командующие стали пользоваться этим в собственных интересах. Поэтому своей задачей Юлиан видел не просто восстановить порядок в провинции, но и в очередной раз доказать могущество Римской империи⁷¹. Но прежде всего стоило тщательно подготовиться к военным действиям, чем и занялся цезарь зимой 355/356 гг.

Первый этап галльской кампании, согласно тексту источника, был связан с осадой неприятеля крепости Августодун. Из источника становится понятно, что молодой цезарь, выполнив неспешно все приготовления, прибыл в Августодун 24 июня 356 года. Автор акцентирует внимание на то, что Юлиан лишь в процессе длительных обсуждений с командирами разработал схему проведения кампании, так как считал, что ее успех целиком и полностью зависит от осторожности, предусмотрительности, четкости спланированных действий. Было решено двигаться согласно намеченному маршруту: по прямой, через лесистую местность, несмотря на опасность попасть в засаду. Данное решение было принято исходя из того, что прежде узурпатор Сильван довольно успешно использовал этот маршрут (Амм. Марс., XVI, 2).

В пути произошло несколько нападений на римлян, однако отряд Юлиана смог отразить атаки алеманов. Стоит заметить, что подошедший к крепости Трикасин римский отряд, воочию убедился, какой ужас переживают местные жители⁷². Как сообщает Аммиан Марцелин, Юлиану пришлось весьма долго доказывать свои намерения жителям города, закрывших перед ним ворота и не пускавших его войско во внутрь. Впрочем, римскому отряду

70 Голдсуорти А. Во имя Рима. Люди, которые создали историю. – М., 2006. – С. 110.

71 Там же. – С. 111.

72 Там же. – С. 114.

все же удалось остаться на непродолжительный отдых в Трикасин, после чего Юлиан принял решение продолжить путь и присоединился к главной армии (Amm. Marc., XVI, 5, 7).

С целью обсуждения произошедших событий, было собрано еще одно собрание командующих, где было решено незамедлительно напасть на ближайšie отряды алеманнов⁷³. Нападение началось на следующий день вблизи Децемпагии. Это сражение не принесло успеха войску Юлиана. Поскольку варвары превосходно знали территорию, им не составило никакого труда собрать всю свою мощь воедино и нанести серьезный удар римскому арьергарду. В этот момент вспомогательные подразделения, находившиеся неподалеку от основной армии, услышали боевые кличи и вмешались, тем самым предотвратив полное уничтожение легиона. Это эпизод стал тяжелым ударом для Юлиана.

Однако уже в бою за Бротомаг Юлиан показал талант военачальника. Используя тактику построения войска в виде рогов, Юлиан окружил врага и уничтожил его. В скором времени цезарь отвоевал Колонию Агриппину, которая была разрушена варварами, и после заключил мир с франками. Именно таким образом завершился первый год нахождения Юлиана в Галлии⁷⁴.

Зимой 357 года цезарь вместе со своим войском возвратился в Сеноны. Здесь он приступил к решению внутренних вопросов, которые зачастую были сопряжены с обеспечением армии, воссозданием приграничных укреплений, регулированием налогообложения, заготовкой продовольствия. Находясь на зимней стоянке, римский отряд подвергся атаке варваров⁷⁵. По мнению Е.С.

73 Моммзен Т. История Римских императоров: по конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей, 1882-1886 гг. – СПб., 2002. – С. 522.

74 Bowersock G. W. Julian the Apostate. - Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. - P. 69.

75 Холмогоров В.И. Римская стратегия в IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ, 1939. - №3.- С. 89.

Гардина, неприятелям удалось с помощью римских перебежчиков добыть данные о нахождении войска Юлиана. Как сообщает исследователь, солдаты римской армии переходили на сторону варваров вероятно из-за ужасного положения дел в войсках империи⁷⁶. Впрочем, Аммиан Марцеллин информирует нас и о перебежчиках у алеманнов (Amm. Marc., XVI, XI, 9). Следовательно, мы можем полагать то, что перебежчики в какой-то мере являлись неким рубежом между римским и варварским миром. А то обстоятельство, что их количество постоянно росло, может указывать на возникновение, кроме военных, еще и мирных контактов между двумя народами.

В результате наступление было отбито. Тем временем Юлиан основательно обучался чеканить шаг под звучание военного марша, постоянно цитируя Платона: «седло не крепят на быка: совершенно не наше это бремя» (Amm. Marc., XVI, V, 10). Вероятно, это говорит о том, что Юлиан не до конца верил в свое предназначение к военной сфере, но в тот же момент он понимал, что уже добился значительных успехов, отвоевав существенную часть Галлии. Осознание того, что предстоит решающее сражение с врагом, которое может перечеркнуть все его предыдущие заслуги, стало быть, закалило характер Юлиана, и в последующей компании цезарь закрепил свой успех.

Вторая кампания против германцев была предпринята в 357 году. Магистр конницы Марцелл в течении осады Сенон позволил себе непростительное бездействие⁷⁷. Он, «находившийся поблизости, не оказал помощи оказавшемуся в опасности цезарю, хотя был обязан в случае нападения на город, не будь там даже цезаря, поспешить на выручку» (Amm. Marc., XVI, IV, 3). Юлиан добился, чтобы Марцелла заменили офицером

⁷⁶ Гардин Е.С. Вестготы и римская империя в IV в. н.э. // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института. Т. XXII, 1939. – С. 227.

⁷⁷ Григорюк Т.В. Флавий Юлиан и высшие чиновники Империи // Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. - Ярославль, 2009 – С. 45-46.

Севером, который безоговорочно выполнял приказы и мог дать полезный совет (Amm. Marc., XVI, 10). В скором времени и Узирцин был отозван, а затем послан на восточную границу империи для решения назревавшего персидского вопроса⁷⁸.

Вместе с тем, Юлиан приобретает военное влияние во всей Галлии. Его армия на тот момент была разорена, народ в провинции голодал, поэтому было решено послать подкрепление, войско в двадцать пять тысяч человек под командованием полководца Барбациона. Собравшийся совет разработал концепцию, которая предполагала взятие алеманнов в «щипцы», что считалось продолжением предыдущей стратегии цезаря. Юлиан должен был напасть с севера, а Барбацион с юга (Amm. Marc., XVI, 11, 3). В частности, римское командование на 357 год планировало провести крупные наступательные операции против алеманнов. Однако осуществлению этого плана помешало восстание летов и недобросовестное управление отрядом трибуна Барбациона, вследствие чего варварам удалось одержать ряд побед и разграбить окрестности Лунгдуна (Лиона).

Усмирив летов, Юлиан решил напасть на варваров, находившихся на островах посреди Рейна (Amm. Marc., XVI, 11, 9). Эти события подробно описаны Зосимом: «Видя ужас солдат в этой провинции при одном упоминании варваров... цезарь пополнил ряды легионов новобранцами и принял много добровольцев. Юлиан подумал и о вооружении. Найдя старое оружие в одном из городов, цезарь привел его в порядок и роздал солдатам. Когда лазутчики доложили ему, что огромное число варваров пересекло Рейн близ Аргентората, цезарь тотчас же отправился туда со своей импровизированной армией и, вступив в бой, одержал победу, значение которой трудно преувеличить, ибо в битве этой 60 тысяч неприятельских воинов было убито и еще больше утонуло, пытаясь переплыть Рейн. Если кто желает сравнить этот подвиг с победой Александра над Дарием, то победа

78 Там же. – С. 49.

Юлиана, пожалуй, ей не уступит» (Zos., III). Стоит заметить, что римский отряд одержал победу, но взять в окружение оставшихся солдат вражеского войска, не удалось, так как у римлян не было единства.

Прежде всего, разрозненность в армии на данном этапе проявилась в противодействии Юлиану командующего Барбациона⁷⁹. Алеманны воспользовались этим и неожиданно напали на войско Барбациона, обратив солдат в бегство и захватив немалую часть обоза, лагерной прислуги и вьючных животных.

Апогеем второй компании Юлиана становится эпизод, посвященный битве при Аргенторате (357 г.). Одержав победу над войском Барбациона, семь повелителей алеманнов решили объединиться, избрав в качестве командующих наиболее предприимчивых царей – Хонодомария и Серапиона, которые потребовали от римлян оставить их владения в Галлии. Им удалось собрать одну из самых больших армий союзных племен IV века⁸⁰. Аммиан пишет, что общее число воинов составляло 35 000 человек, а из знати кроме семи царей в походе принимали участие еще десять царевичей и множество других вождей (Amm. Marc., XVI, 12, 23).

Армия Юлиана к августу 357 г. по донесению перебежчика из отряда Барбациона составляла 13 000 человек (Amm. Marc., XVI, 12, 2). Эти сведения несомненно подзадоривали германцев. Но Аммиан обращает внимание, что на момент сражения Юлиан собрал существенное войско, часть которого составили новобранцы (Amm. Marc., XVI, 12, 3). Мнение Г. Дельбрюка относительно соотношения сил римской армии и армии алеманнов противоречит мнению Аммиана Марцеллина. Исследователь считает, что римский историк мог приувеличивать силы алеманнов с целью возвеличивания римской армии.

⁷⁹ Григорюк Т.В. Флавий Юлиан и высшие чиновники Империи //Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. - Ярославль, 2009 – С. 47.

⁸⁰ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. – СПб, 1997. – С.178.

Для аргументации своих предположений Г. Дельбрюк приводит в пример тот факт, что на самом деле по своему стратегическому плану Юлиан рассчитывал напасть на врагов в тот момент, когда они будут несколько, но не намного слабее его собственных сил, а никак не наоборот. Поэтому исследователь считает, что войско алеманнов насчитывало от 6 000 до 10 000 человек⁸¹.

Напротив Е.А. Разин считает, что нет оснований не доверять сведениям Аммиана, так как историк являлся очевидцем событий, и у него не было причин завышать эту цифру. Оспаривая позицию Г. Дельбрюка, он поясняет, что исследователь старается снизить количество солдат в армии алеманнов для того, чтобы доказать двойное численное превосходство римлян над германскими племенами. Это ему нужно для того, чтобы обосновать причину поражения алеманнов под командованием вождя Хнодомара, бывшего до боя под Аргенторатом непобедимым⁸². Впрочем, и Зосим полагает, что Юлиан смог «собрать большую армию, готовясь к войне со всеми германскими народами» (Zos., III). Следовательно, как всегда, трудно определить, насколько точны подобные цифры, и знали ли римляне или хотя бы сами алеманны, какой численности были их войска.

Перед сражением во всей провинции с невероятной скоростью укреплялись города, отстраивались стены, изготовлялось новое оружие. Армия Юлиана в это время восстанавливала укрепления Трёх Таверн. Вместо оборонительных батальонов, которые предполагались для выведения врага из строя, он решается на генеральное сражение и выступает навстречу варварскому войску, от которого его отделяло расстояние в двадцать одну милю (Amm. Marc., XVI, 12, 7).

81 Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2.- СПб., 1999. — С. 179.

82 Разин Е. А. История военного искусства XXXI в. до н. э. — VI в. н. э. Т. 1. — СПб., 1999. — С. 378

Воодушевленные римские легионы шли по целому дню, и к августу 357 г. настигли вражескую армию⁸³. Для сражения Юлиан приказал лучшим бойцам войска сосредоточиться на правом фланге (Amm. Marc., XVI, 12, 21), и варвары, разведав расположение римлян, в свою очередь противопоставили ему отборных воинов. Их кавалерия смогла прорвать ряды на правом фланге, а следовавшая за ней пехота обратила в бегство тяжёлую конницу римлян. Уже казалось, что всё потеряно, и римские солдаты стали отходить, думая только о спасении. Тогда Юлиан ринулся вслед за убегающими солдатами, для того, чтобы ободрить их: «куда это, храбрецы, мы отступаем? Или вы не знаете, что бегство... показывает только глупость тех, кто делает столь бесполезную попытку? Вернемся к нашим, чтобы хоть разделить их будущую славу, если мы их неразумно оставили в их борьбе за благо государства» (Amm. Marc., XVI, 12, 40).

Существуют различные мнения относительно этого эпизода. В своем исследовании Г. Дельбрюк попытался разобраться имел ли место быть на самом деле этот поступок Юлиана. Сравнивая описание сражения при Аргенторате в двух источниках, «Истории» Аммиана Марцеллина и «Надгробном слове Юлиану» Либания, а так же противопоставляя другие подобные примеры из истории, автор приходит к выводу, что никакими уговорами нельзя остановить обратившихся в бегство солдат, к тому же за которым попятая следует противник. Только лишь какое-либо естественное препятствие или усталость сможет остановить спасающееся войско. Таким образом, Г. Дельбрюк считает этот эпизод придуманным, так же как и последующее возвращение всадников, о котором пишет Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XVI, 12, 41).

Обе пехоты, римлян и алеманов, смешались, началась самая тяжёлая и кровавая часть битвы. По свидетельству историков, здесь столкнулись природная доблесть и значительная физическая сила варваров с римской

83 Bowersock G. W. Julian the Apostate. - Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. - P. 73.

дисциплиной и военной наукой, при этом на стороне римлян сражалось достаточно много варваров⁸⁴.

Юлиан продолжал сражаться среди своих солдат, и попал в такую гущу сражения, что телохранители кричали ему, чтобы он подождал их, но несмотря на опасность, император остался невредим. Наконец варвары дрогнули и побежали (Amm. Marc., XVI, 12, 51). Аммиан сообщает, что алеманны оставили на поле более шести тысяч убитых, римляне потеряли около трёхсот солдат. Король Хнодомарий был взят в плен и в цепях отправлен к Констанцию (Amm. Marc., XVI, 12, 63), который получил славу, завоёванную другим.

Эта битва при Страсбурге принесла желанный мир городам и деревням Галлии, и считается одной из самых значительных побед Юлиана - хотя сам он был другого мнения, ведь в этой битве он продемонстрировал в основном таланты воина, а не полководца. Но можно воздать ему хвалу ещё и за то, что из небоеспособных, деморализованных солдат, которые слишком долго терпели поражения, Юлиан сумел за короткое время создать сильные легионы, готовые выступить против варваров⁸⁵. Победа при Аргенторате стала переломной точкой галльских войн Юлиана, после которой римляне полностью перешли к нападению и превентивным атакам, а варвары думали только об обороне.

Покончив с угрозой алеманнов, Юлиан начал войны против германских племён франков, которых в то время считали самыми свирепыми из варваров. Взяв две их крепости на Маасе, он отослал пленников ко двору Констанция, и август принял их как ценный подарок⁸⁶. Интересно, что эти пленные франки

84 Bowersock G. W. Julian the Apostate. - Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. - P. 76.

85 Ibid. - P. 79.

86 Голдсуорти А. Во имя Рима. Люди, которые создали историю. – М., 2006. – С. 114.

даже вошли в личную гвардию Констанция - такие воины весьма ценились, а сами они не возражали против службы римлянам.

Юлиан часто обнаруживал в своих поступках стремление подражать героям древности, и даже превзойти их. Видимо, не находя идеала в современниках, он искал их в таких великих лидерах, как Александр Македонский или Юлий Цезарь - с последним он естественно сравнивал своё пребывание в Галлии. Цезарь написал комментарии о галльской войне - написал о своих битвах и Юлиан (эта книга, к сожалению, была потом уничтожена среди многих других его произведений). Ф.Ф. Зелинский объяснял военные успехи Юлиана тем, что в нем «сочетались героизм, преданность делу и умеренность, снискавшие ему популярность в войсках»⁸⁷.

Юлиан провел в Галлии пять лет (355-360 гг.), и за это время показал таланты блестящего полководца и администратора. Германцы перестали угрожать римским городам и крепостям на левом берегу Рейна, и этого император добился своим воинским искусством, в то время как прежде Констанций платил варварам ежегодную дань за успокоение, в то же время оставляя легионы без жалования. Восстановилось сообщение по рекам, из Британии Галлию снабжали хлебом, привезенным на шестистах судах, построенных Юлианом. На места им были назначены хорошие управляющие, городские курии снова стали исполнять свои обязанности, повсеместно были восстановлены производство, сельское хозяйство и торговля⁸⁸.

В административной деятельности Юлиан показывал не только глубокий ум, но и самое пристальное внимание к благу народа. Его письма близким друзьям, написанные в тот период, наполнены размышлениями по поводу того, что ещё можно сделать для жителей отданной ему провинции.

⁸⁷ Зелинский Ф.Ф. Римская империя / Пер с польск. и подбор. илл. Н.А. Папчинской. - СПб., 1999. - С. 425

⁸⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. – СПб., 1997. – С. 189.

Констанций II постоянно старался контролировать финансовые вопросы, и у Юлиана возникали конфликты с присланными из столицы чиновниками, которые старались получить из Галлии как можно больше налогов. Однако, такие трудности не могли серьёзно помешать проводимой Юлианом политике, и самым ярким примером является то, что благосостояние населения и производство выросли настолько, что стало возможным в несколько раз снизить налог, и всё равно удавалось собрать намного больше, чем раньше. Как писали современники, Юлиан вернул в Галлию времена её наибольшего расцвета и богатства. В эти годы особенно сильно разрастается город Лютеция (Париж)⁸⁹.

За успехами Юлиана со всё возрастающей ревностью следил Констанций⁹⁰. Евнухи и фавориты, недовольные возвышением Юлиана, услужливо передавали монарху сообщения о делах в провинции, даже преувеличивая успехи ненавистного им цезаря, чтобы настроить Констанция против него. Особенно тревожила императора растущая популярность Юлиана среди народа и войск, которые, похоже, наконец нашли достойного правителя и полководца⁹¹.

Постепенно Констанций пришёл к решению ослабить власть Юлиана. Воспользовавшись тем, что провинция успокоилась на время, он направил к императору чиновников с требованием отослать с ними лучшие и испытанные части галльской армии для войны в Персии (Amm. Marc., XX, 4, 2). Требование совершенно надуманное, поскольку персидская кампания в то время не требовала больших войск, чем уже были привлечены, а, кроме того, Констанций и не собирался активно вести боевые действия. Зато такой приказ угрожал и безопасности Галлии, и дисциплине войск, потому что

89 Там же. – С.205.

90 Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э.— 476 г. н. э. - М., 1998. - С.293.

91 Hunt D. Julian // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. - Cambridge, 2008. - P. 56.

большинство вспомогательных частей, поступая на службу в римскую армию, получили обещание, что они никогда не будут обязаны служить за Альпами (Amm. Marc., XX, 8; Socr. Hist. Eccl., III, 1; Zos., III).

Юлиан оказался перед сложным выбором⁹². Подчинение приказу означало катастрофу для Галлии и для него лично, поскольку понятно было, что при первом же поражении Констанций воспользуется поводом, чтобы сместить неугодного цезаря, и, скорее всего, казнить, как уже был казнён Галл. Но отказ от исполнения веления монарха должен был привести к новой гражданской войне. Оба решения казались одинаково неверными, и, поразмыслив, Юлиан выбрал повиновение - потому что оно угрожало смертью только ему, а гражданская война всегда более ужасна, чем любое вторжение. Цезарь произнёс речь перед войсками, в которой объяснил приказ Констанция, и среди всеобщей скорби начал выделение лучших воинов из галльских легионов (Amm. Marc., XX, 4, 10).

Скрепя сердце, он сам организовывал отправление, и даже советовал столичным чиновникам вести войско вдали от городов, чтобы не вызвать еще большие волнения.

В последний день он обратился к войскам, чтобы сказать слова прощания солдатам, с которыми плечом к плечу пять лет вёл победоносные войны с варварами. Он вспоминал их общие победы и убеждал, что это великая честь - сражаться под началом августа, и волю Констанция надлежит исполнять точно и беспрекословно. Его обращение прозвучало в мёртвой тишине (Amm. Marc., XX, 4, 12).

А в ночь на 18 января 360 г. к нему попыталась ворваться группа солдат с факелами и оружием в руках, чтобы провозгласить Юлиана своим августом. Он приказал запереть двери и не пускать их внутрь, надеясь, что ночь умерит пыл (Amm. Marc., XX, 4, 14). Юлиан утверждает, что вовсе не хотел этого, но покорился воле богов (Julian. Ad Athenienses, 11). Однако Т. Моммзен

⁹² Browning R. The Emperor Julian. - Berkeley, Los-Angeles, 1976. - P. 176-177.

называет это чистым лукавством: «у того, кто так ответственно относится к своей задаче, как Юлиан в Галлии, у того, кто организует такой персидский поход, какой организовал он, у того есть честолюбие»⁹³.

Солдаты продолжили требовать от него провозгласить себя августом, и в итоге Юлиан поддался их уговорам: «Крики, раздававшиеся со всех сторон, стали после этого еще громче; единое воодушевление овладело всеми, и среди неистовых возгласов, к которым примешивались брань и упреки, Цезарь вынужден был уступить. Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен Августом» (Amm., XX, 4, 17). В Константинополь немедленно отправилось донесение о неповиновении Юлиана. Сам же цезарь решил сделать всё, чтобы избежать междоусобной войны. Он написал Констанцию почтительное письмо, в котором сообщал о том, что провозглашение августом было желанием войск, которого не вернуть назад (Zos., III). Юлиан предложил двоюродному брату признать за ним этот титул и право на управление Испанией, Британией и Галлией, которыми он и без того уже управлял (Amm., XX, 8, 13). В обмен же он обещал признать первенство Константинополя и ежегодно отправлять туда богатые дары и молодых варваров для пополнения императорских войск⁹⁴.

Констанций отверг это предложение и продолжил готовиться к войне (Amm., XX, 9, 3; Zos., III). В его письме заключительная часть была особенно оскорбительна - она обвиняла кузена в неблагодарности, после того, как Констанций его воспитал с заботливостью и нежностью и охранял в детстве, когда тот был беспомощным сиротой. Юлиан понял, что мирным путём спор разрешить не удастся и тоже начал пополнять армию, хотя его и удручало, что римляне снова будут убивать римлян.

93 Моммзен Т. Римские императоры. - С. 526.

94 Drinkwater J.R. The «Pagan Underground», Constantius II's «Secret Service», and the Swival, and the Usurpation of Julian the Apostate // Studies in Latin Literature and Roman History. 1983. Vol. 3. - P. 348-387.

В это время после неудачной беременности умирает жена Юлиана и сестра Констанция - Елена, а вскоре после неё - и императрица Евсевия, так что больше не осталось никого, кто мог бы удержать императора и цезаря от междоусобной войны. Аммиан пишет, что Елена умерла, так и не родив Юлиану наследника, и что к этому была причастна императрица Евсевия. «Царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана» (Amm., XVI, 10, 18).

Для того, чтобы ослабить Юлиана, Констанций послал подарки варварским вождям, уговаривая их предпринять поход против своего соперника. Однако, Юлиан сумел заранее узнать об этих интригах и опередил варваров, нанеся удар по месту сбора их армий. За время галльских войн Юлиан стал отличным полководцем, и когда стало очевидно, что война началась, он действовал с молниеносной быстротой. Разделив армию на две части, он дал полководцам ясные инструкции: двигаться по указанному пути густыми и сомкнутыми колоннами, которые можно легко перестроить в боевой порядок, охранять себя от неожиданных нападений ночными патрулями, предотвращать сопротивление неожиданностью своего появления, а расспросы - быстрым продвижением дальше, распространять слухи о своей силе и соединиться с императором под стенами Сирмиума.

Сам же Юлиан с отрядом из трёх тысяч отборных воинов быстрым маршем сквозь Чёрный лес (латинский вариант), от истоков к устью Дуная, пользуясь внезапностью, захватил там флот из лёгких кораблей, преодолел семьсот миль за одиннадцать дней и появился у Сирмиума раньше, чем его враги узнали, что он вообще покинул Рейн. Население и гарнизон города встретили его радостными криками и вышли навстречу с цветами, чтобы объявить о своём подчинении новому правителю. Юлиан двинулся дальше и захватил ключевые проходы в горах, отделяющих Дакию от Фракии. Итальянские и иллирийские провинции, покинутые своими префектами, также охотно сменили власть того, кто призывал вторжения варваров, на власть того, кто их отражал (Amm. Marc., XX, XXI).

В эти дни Юлиан отправил множество посланий во многие города Империи. Эти письма несут в себе отпечаток отличного классического образования и превосходного владения словом и приёмами риторики. Дело в том, что как чересчур честный и принципиальный человек, Юлиан был оскорблён несправедливыми упрёками Констанция, и хотел подчинить себе его земли не только силой оружия, но и силой убеждения, оттого и постарался привести аргументы и дать понять причину своего мятежа. Его слова были приняты, и важнейшие города провозгласили Юлиана своим императором.

Помимо этого, Аммиан пишет, что Юлиан приказал провести различные гадательные обряды на внутренностях жертвенных животных и сосредоточенно наблюдал за полетом птиц, чтобы «узнать наперед исход событий» (Амм., XXII, 1). Но предсказания были туманными и неясными, из-за чего Юлиан пребывал в мрачном расположении духа, пока не произошло удивительное событие.

3 ноября 361 года Констанций скончался в киликийском городке Мопсукрена близ Тарса (Aug. Vict. Epit., 42, 17). И в этот же день, как сообщает Аммиан, солдат, который подсаживал Юлиана на коня, вдруг споткнулся и упал, растянувшись на земле во весь рост. Тогда Юлиан воскликнул, что «упал тот, кто вознес его на высоту» (Ibid.), намекая, что император, назначивший его цезарем, сошел со сцены. Однако из предосторожности Юлиан оставался в Дакии, пока не прибыли послы Теолайф и Алигильд. Они сообщили о скоропостижной кончине правителя и о том, что согласно последней воле Констанция II, Юлиан становится императором.

Таким образом, все страхи и сомнения Юлиана разрешились, и отступила угроза гражданской войны, и теперь Юлиан мог беспрепятственно выступить в столицу. Тело почившего августа было доставлено морем в константинопольскую гавань, и Юлиан, одетый в траурные одежды, встретил

его на берегу и со слезами на глазах пешком сопровождал в базилику Святых Апостолов⁹⁵.

11 декабря 361 года сенат утвердил выбор армии, и Юлиан официально вошёл на трон в качестве прямого и законного наследника, и в возрасте тридцати лет, Юлиан стал безраздельным правителем Римской империи. Так в жизни Юлиана произошёл еще один, решающий поворот, когда затворник из каппадокийского замка, чудом уцелевший в страшной резне, стал править огромной Римской империей.

Таким образом, к моменту вступления на престол Юлиана Отступника кризисные явления были настолько глубокими, что правление Юлиана, такое краткое и противоречивое, трагически окончившееся, было логическим следствием этого всеобъемлющего кризиса античности. Юлиан не принял во внимание политику своих предшественников и придерживался курса императоров эпохи Принципата. Его главная ошибка состояла в том, что он не оценил должным образом естественные перемены внутри империи. Однако его реформы можно рассматривать и как своеобразную реакцию представителя античного мира на кризис. Еще одна причина неудач, постигших Юлиана на поприще реформ – это неприятие кризиса античности и следующих за ним перемен внутри государства, а также неверно избранный курс реформ, направленный на восстановление политической модели принципата.

95 Bowersock G. W. Julian the Apostate. - P. 81.

ГЛАВА II. ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА

2.1. Внутренняя политика

Большое количество ученых, занимающихся правлением Юлиана Отступника, уделяют значительное внимание его религиозным мерам по отношению к язычеству и христианству, его философскому и религиозному мировоззрению, а также его непростому характеру и военным успехам. Однако, его политические взгляды и убеждения заслуживают отдельного внимания. Юлиан Отступник изложил свои политические воззрения в своих панегириках к императору Констанцию II, а также в своем художественном сочинении «Пир или Цезари». Можно утверждать, опираясь на эти произведения, что идеалом Юлиана были образы героев Гомера, Геродота и Платона⁹⁶.

Анализируя взгляды на политику Юлиана, можно сказать, что они по большому счету относились к эпохе Принципата: отказ Юлиана от титула *Dominus* является характерным признаком режима домината, как и то, что император не носил диадемы и пурпурных одежд (*Lib. Or. XVIII*). Данные убеждения носили довольно-таки консервативный характер для действительности IV века, и даже современники Юлиана критиковали его (*Amm., XXI, 15.4; 11.2; Lib. Or. XVIII, 117; Zonar., XIII, 12, 1*).

Юлиан стремительно начал реформирование всех сфер жизни империи, однако, некоторые его реформы характеризуются импульсивностью и непоследовательностью. Юлиан вводил преобразования в системе управления на местах, устанавливал порядок в законодательстве и решал финансовые вопросы, восстанавливал античную религию, вел подготовку к военным действиям с персами, а позднее совершил поход через Тигр и Евфрат, в самое сердце Персии, увенчавшийся успехом. Все эти действия

⁹⁶ Dvornik F. Early Christian and Byzantine political philosophy: Origins and Background. - Washington, 1966. P. 660-665.

Юлиан совершал одновременно. Удивительно, сколько всего императору удалось добиться всего за полтора года.

По прибытию в Константинополь, Юлиан устроил суд над многими сподвижниками Констанция II. Историк Аммиан описывает эти действия как об одном из самых знаменитых судебных процессов того времени – Халкедонском суде. Юлиан назначил префекта восточных провинций Саллюстия Секунда префектом претория⁹⁷ и дал ему поручение в ведении следствия и руководства судебной комиссией, которая состояла из Мамертина, Арбециона, Агилона и Невитты.

Суд проходил в Халкедоне, и по свидетельству Аммиана, комиссия действовала строго, иногда поступав наперекор справедливости. Так, например, к изгнанию в Британию был приговорен Палладий, являвшийся бывшим магистром оффиций, обвинявшийся в настраивании императора Констанция против цезаря Галла. Также к изгнанию в Верцеллы был приговорен бывший префект претория Тавра, несмотря на то, что его преступление состояло в том, что он, будучи напуганный грядущими междоусобными военными действиями, сбежал к Констанцию⁹⁸.

Тем не менее, несмотря на строгость судей, некоторые подсудимые не понесли наказания благодаря своей умелой защите. Например, Пентадий, который был уполномоченным Констанция и вел допрос двоюродного брата Юлиана, цезаря Галла. Но, так как Пентадий умело защищался, то в конце концов вышел из процесса без наказания.

Юлиан хотел избавиться от людей Констанция, лишая их всех ключевых постов, поэтому были изгнаны и Евагрий, являвшийся комитом императорской казны, Сатурнин, бывший заведующий дворцом, и бывший нотариус Пирин. Юлиан объяснял свои действия так, что не сможет быть в

⁹⁷ Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 91.

⁹⁸ Там же. – С. 93.

безопасности, в то время когда, в его кругу находятся сподвижники императора, и эти действия можно было ожидать⁹⁹.

Очень часто случалось, что импульсивность Юлиана заставляла его совершать необдуманные поступки. Таким ярким примером является казнь Урсула, занимавшего пост комита государственного казначейства. Когда Юлиан был послан в западные области в звании Цезаря, и ему не предоставили никаких дополнительных средств, чтоб в случае бунта успокоить солдат, тот самый Урсул дал письменный приказ начальнику галльской казны выдавать без малейших колебаний суммы, каких бы ни потребовал Цезарь.

Аммиан указывает на то, что Юлиан предполагал то, что эта казнь станет упреком его в неблагодарности со стороны многих. Историк также говорит о том, что Юлиан вовсе не был неблагодарным, а просто не понял правильно ситуацию, и, кроме того, поставил во главе этой следственной комиссии Арбециона, человека крайне ненадежного и очень тщеславного (Amm. XXII, 3).

Тем не менее, в то время как казнь Урсула повлекла за собой акт осуждения даже у сторонников Юлиана, то остальные смертные приговоры являются вполне заслуженными. К примеру, имперский агент Аподемий, который по словам Аммиана пытался погубить Сильвана и Галла и евнуха Евсевия, состоявшего на посту начальника опочивальни Констанция – также были приговорены к смертной казни. Евсевий был гордый и жестокий человек, и практически ни у кого не вызывал симпатию. Аммиан характеризует его как «из самого низкого положения он был вознесен до такого, на котором мог, так сказать, приказывать императору, и был тем невыносимее» (Amm. XXII, 3).

Еще одним действием Юлиана был роспуск армии доносчиков и так называемых «имперских агентов». Когда к императору явились два бывших

99 Millar F. *Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, Excuses and Status* // *The Journal of Roman Studies*. 1983. Vol. 73. - P. 86.

доносчика и предложили ему выдать местоположение тех, кто сумел скрыться от суда в обмен на восстановление их прав, Юлиан очень резко ответил, что недостойно императора путем доноса разыскивать человека, который скрывается перед судом и смертной казнью ввиду страха¹⁰⁰.

Далее Юлиан подверг изменению некоторые порядки в императорском дворце ввиду своих вкусов аскета и философа.

Как пишет его биограф Аммиан, вскоре после входа в Константинополь Юлиану понадобился брадобрей. В ответ на зов явился вельможа в шикарных одеждах. Император нахмурился и заметил, что требовал брадобрея. Он допросил этого человека и узнал, что помимо огромного жалования и многих привилегий тот имел право на двадцать слуг и столько же лошадей.

Проверка показала, что во дворце была целая тысяча таких брадобреев, тысяча виночерпиев и тысяча поваров, не считая другой челяди, увеличивающей своё благосостояние за счёт тяжёлых налогов на содержание двора. Вот как Аммиан описывает двор императора Констанция II: «Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений. Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств (Amm., XXII, 4).

Например, историк Евнапий в своем сочинении «О жизни философов и софистов» рассказывает, каких милостей удостоились философы-неоплатоники пергамской школы, с которыми Юлиан познакомился во время своей учебы в Никомедии, после его воцарения. Так при Юлиане, ученик знаменитого неоплатоника Эдесия, Хрисанфий из Сард получил чин верховного жреца Лидии (Eunap. VS, 478), а философ Евстафий отправился в

100 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 93.

Персию в качестве посла (Ibid., 465-466). При этом ученые мужи проявляли отнюдь не величие души, свойственное философам.

Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. Здесь зародилась распущенная жизнь, клятвопреступления, равнодушие к общественному мнению. Отсюда произошло дикое обжорство пиров, и вместо победных триумфов появились столовые торжества, широкое использование шелка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне» (Amm., XXII, 4).

Своим эдиктом Юлиан устранил половину двора, убрав лишнее количество слуг¹⁰¹. По восшествии на трон Юлиан развернул широкую деятельность по приведению в порядок имперского права. Он вновь узаконил старые законы, являющиеся разумными, но отмененными по капризу предыдущих императоров. В больших количествах издавались все новые законы.

О полезности и продуманности законов можно привести тот факт, что 54 закона Юлиана были включены в величайшие источники римского права - Кодекс Феодосия и Кодекс Юстиниана. При этом Юлиан сам разбирал дела, мог на равных спорить с адвокатами. Как это было в римском духе, он превыше всего ставил справедливость, и никогда не нарушал закон, чтобы, например, помочь бедняку в споре с богачом, если объективно прав был богач¹⁰². Сама структура власти при Юлиане была серьезно реформирована и на высшем, и на низшем уровне. Так, например, он снова стал советоваться с сенатом, но гораздо больше влияния на него имел кружок его друзей-неоплатоников.

Одним из основных направлений внутренней политики Юлиана также было восстановление муниципального самоуправления. Он наладил

101 Harries J. Law and Empire in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - P. 165.

102 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 94.

структуру власти в областях, расширив законодательные и исполнительные полномочия наместников, упорядочена была и структура местных органов. Например, чиновников на местах Юлиан освободил от восполнения недобора налогов собственными деньгами. Также, стремясь остановить убыль населения, Юлиан освободил от всех налогов тех, у кого было 13 и более детей. Эти и другие его меры могли бы серьезно улучшить финансовое положение Империи, если бы последующие правители-христиане не свернули большую часть преобразований. Положительные тенденции появились уже сразу, например, при Юлиане сократили темпы добычи золота в шахтах Фракии¹⁰³.

Во время своего пребывания в Галлии Юлиан неплохо освоил военное дело, о чем убедительно свидетельствуют его галльские победы, поэтому он не забывал и о положении в армии. Он старался назначать на ответственные посты только проверенных людей, чтобы предотвратить бунты и узурпации, укреплял пограничные рубежи от набегов варваров и стремился поддерживать дисциплину в солдатской среде.

Как писал Либаний, Юлиан тратил деньги казны не на театры и гладиаторские бои, а на организацию сильной армии (Lib. Or. XII, 170-171). Благодаря этому, пишет Аммиан, «среди чужих племен пошла о нем молва, как о государе, выделяющемся своей храбростью умеренностью, знанием военного дела» (Amm., XXII, 7). Распространение подобных слухов привело к тому, что в столицу Римской империи зачастили послы соседних государств с предложениями дани, если Римская империя также будет защищать и их границы.

Юлиан был уникален тем, что создавал новую конструкцию Империи - гармоничный сплав римской организации и греческой духовности. Наверное, после Марка Аврелия Юлиан стал самым образованным из всех императоров, когда-либо занимавших римский трон. Его внимательное

103 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 97.

отношение к развитию культуры и духовной жизни было удивительным после многочисленных «солдатских императоров» и правителей домината.

Пруденций писал о Юлиане, что «если он изменил своему Богу, то, по крайней мере, он не изменил отечеству» (Prud. Apotheosis, 453). Г. Буассье отмечает, что «в кратковременном правлении Юлиана поражает та гибкость, с которой Юлиан умел гнуться перед событиями, изменяться совершенно сам в себе, приноравливаясь к различным положениям»¹⁰⁴.

Чтобы совершить все эти преобразования за полтора года, нужно было обладать необыкновенной работоспособностью. Юлиан работал упорно, как никто. Он одновременно мог, как передает Аммиан, писать письмо, слушать донесения и диктовать секретарю. За один день он успевал провести встречу с послами, разослать огромное количество личных и государственных посланий, да ещё и найти время, чтобы продолжить занятия философией.

Его энергия была так велика, что секретари и слуги вынуждены были работать посменно, поскольку их выносливость не могла сравниться с силой Юлиана. Если бы даже Юлиан не стал императором, он бы стал известным благодаря своим работам - а писал он их, как только находил свободное время, даже в походной палатке посреди военного лагеря в глубине территории врага.

То, что работать приходилось урывками, и дела постоянно требовали перехода от одной проблемы к другой, а от неё - к третьей, не мешало императору: Юлиан обладал феноменальной памятью, подобно Александру Македонскому и Юлию Цезарю¹⁰⁵. Он по памяти легко цитировал большие куски из Гомера, даже те, что читал в далёком детстве, помнил малейшие детали христианских мифов, знал по именам многих своих солдат.

104 Буассье Г. Последние времена язычества. Исторические очерки конечных религиозных столкновений на Западе в IV в. / Пер. Н. Трескин. - СПб., 1893.- С. 70.

105 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 98.

Такой работоспособностью он был обязан не столько природным талантам, сколько качествам, развитым благодаря дисциплине. Самоконтроль побуждал Юлиана всегда стремиться к совершенствованию и полезной деятельности. В век величайшего духовного разложения он подавал пример безупречной добродетельности.

Даже христианский историк Сократ Схоластик приводит в пример умеренность и работоспособность Юлиана, удивительные качества для аристократа того времени (Socr. HE, III, 1). Э. Гиббон писал о Юлиане: «это был император, который не знал других удовольствий, кроме исполнения своих обязанностей, который трудился с целью облегчить положение своих подданных; который старался всегда соединять власть с достоинством, а счастье с добродетелью»¹⁰⁶.

Ф.Ф. Зелинский отмечал, что «со времени Траяна на троне Рима не было столь энергичного, честного и преданного своему тяжкому долгу владыки». Т. Моммзен писал, что «хотя внешне Юлиан был обойден, но природа компенсировала это гуманностью, смелостью, образованностью и духовностью»¹⁰⁷. Что касается внешнего облика Юлиана, то в нашем распоряжении есть два портрета, оставленных Аммианом Марцеллином и Григорием Богословом.

Правда, стоит отметить, что если Аммиан оставил подробное описание внешности Юлиана: «Внешность его была такова: среднего роста, волосы на голове очень гладкие, тонкие и мягкие, густая, подстриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, с отвисавшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи, от головы и до пяток сложение вполне пропорциональное, почему и был он силен и быстр в беге» (Amm., XXV, 4.22), то Григорий Богослов обращал внимание

106 Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской империи. – СПб., 1995. - Т. 2. - С. 342.

107 Зелинский Ф.Ф. Римская империя. - С. 427.

читателя на поведение Юлиана: «смех громкий и неумеренный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы ничем не лучше, смешиваемые один с другим, нетвердые, не подчиненные правилам» (Greg. Naz. Or. V). В основном, исследователи по большей части доверяют описанию Аммиана. Помимо этого существуют сохранившиеся скульптурные бюсты императора и монеты, изображающие его.

Аммиан Марцеллин в своей истории указывает и недостатки Юлиана: он пишет, что император был довольно легкомысленным в поступках, но со временем избавился от этого тем, что выработал привычку принимать советы других и позволять себя исправлять; Юлиан любил рукоплескания толпы и стремился найти общий язык с каждым, отчего, по словам Марцеллина, он достаивал своей беседы даже тех, на убеждение кого не следовало тратить время.

Нововведения Юлиана относительно сокращения роскоши не нравились населению восточной части империи. Особенно сильный конфликт был у Юлиана с жителями Антиохии, столицы Востока¹⁰⁸. Этот изнеженный город, почти полностью христианский, в то время стал местом всевозможных пороков, распущенности и невежества¹⁰⁹. Естественно, что такая жизнь была не по душе строгому императору, и он пытался образумить жителей. Те только оскорбляли его, его религию, его привычки и образ жизни.

В ответ Юлиан написал своё сатирическое произведение «Мисопогон», в котором отвечает антиохийцам и вспоминает свою жизнь в Галлии, где нравы намного чище. При том, из этого сочинения мы узнаем, что Юлиан простил Антиохии долги (Jul. Misop., 367D), пополнил антиохийский сенат

108 Муравьев А.В. Флавий Юлиан в Антиохии в преддверии персидской кампании 363 г. // ВДИ. 2004. - № 4. - С. 179.

109 Там же. - С. 181.

на 200 человек и разрешил жителям города самим выбрать новых сенаторов из знати (Ibid.), упорядочил цены на продукты (Ibid., 369A), прислал из Халкиды, Гиераполиса и других городов 400000 мер хлеба, а потом еще 12000 из собственных запасов (Ibid., 369B,C), снизил цены на хлеб и запретил продавать по двойной цене овощи вино и фрукты (Ibid.), раздал антиохийцам 300 участков земли. Зимой 361-362 г. Юлиан провел в Антиохии в подготовке к походу против персов.

2.2. Религиозная реформа

Юлиан получил великолепное образование, причем не только христианское, но и классическое. Благодаря своим воспитателям-язычникам Мардонию и Никоклу, он познакомился с величайшими образцами греческой литературы и философии (Julian. Misopogon, 351d, Socr. HE, III, 1). А впоследствии Юлиан стал искренним последователем неоплатонической философии и познакомился с видными представителями этого философского течения – Максимом Эфесским, Приском, Хрисанфием, Эдессием¹¹⁰.

В планы Юлиана входило возвысить старый культ с помощью неоплатонической философии и таким образом объединить верования востока и запада, интеллигенцию и народ. Однако сам Юлиан неоднократно признавался в своей любви к «эллинизму», религии древних греков, чем ставил себя в оппозицию аристократическому Риму. Французский ученый Навилль писал, что Юлиан стремился к язычеству как к компоненту наследия богатой эллинско-римской культуры. В религию Юлиана вошли все боги греко-римской мифологии, а также восточные божества (Митра, Кибела,

¹¹⁰ Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 100.

Аттис, Серапис, Изиды). Н.Н. Розенталь писал, что «боги для Юлиана были выше всех земных привязанностей»¹¹¹.

Есть мнение, что трагедия жизни Юлиана состояла в том, что он не жил, а всю свою жизнь старался исполнить волю богов. При этом боги в системе Юлиана имели мало общего с классическими антропоморфными богами греческого пантеона, воспетыми Гомером, они представляли собой неоплатонические, гностические образы, являвшиеся Юлиану во снах.

Самым главным и почитаемым богом у императора являлся солнечный бог Гелиоса, который считался видимым образом высшего невидимого первоначала – солнца, объединенный с образами главных божеств языческой религии – Зевсом, Аполлоном, Сераписом, Митрой (Julian. Or. IV, 170b).

Сохранилось описание Гелиоса Юлианом в своем письме к александрийцам: «Или вы одни бесчувственны к исходящим от Гелиоса лучам? Вы одни не знаете, что им все животворится и движется? Я говорю про великого Гелиоса, про этот живой, наделенный умом и душой благодетельный образ умпостигаемого отца» (Julian. Ep. 55). Человек же представляет собой соединение бессмертной души, происходящей от верховного божества родственной ему и смертного тела. Такие представления Юлиана о боге и богах являются свидетельством перехода от античного политеизма к христианскому монотеизму.

Таким образом, его религия представляла собой гелиоцентрическую религиозно-философскую доктрину с элементами монотеизма. При этом никакой религиозной системы с догматами у Юлиана не было. Ж. Бидэ предполагал, что вопрос об истинном вероисповедании Юлиана открыт, потому что Юлиан был слишком сложной натурой, чтобы определиться до конца в своих религиозных предпочтениях¹¹².

111 Розенталь Н.Н. Юлиан Отступник (Трагедия религиозной личности). - Петроград, 1923. - С. 77.

112 Севальнева И.А. Боги в представлении Юлиана Отступника (письма и трактат «Против галилеян») // Историческая мысль в античности и средневековье. - Иваново, 1996. - С. 16.

Г. Буассье писал, что «основной недостаток религии Юлиана состоял в том, что она представляла собой не систему догматов, подобно христианству, а была лишь системой туманных философских идей, которой не доставало твердого основания»¹¹³.

Стоит взглянуть на источник, в котором изложено религиозное учение Юлиана, гимн «К Царю Гелиосу», и становится понятно, что это произведение представляет собой лишь философские размышления, рассчитанные на очень образованных в философии людей, считает английская исследовательница П. Атанасиади-Фоуден¹¹⁴. Однако сам Юлиан полагал, что правильным образом наученные священнослужители обновленной языческой религии смогут правильно донести до людей положения его системы. Таким образом, Юлиан перешел к следующему пункту своей религиозной реформы – реконструкции языческого культа.

Итак, говоря о нововведениях Юлиана в структуре языческого культа, обратим внимание на отношение самого Юлиана к религиозным практикам. Он не был похож на заурядного язычника. Еще в детстве, находясь в заключении в замке Мацеллум, Юлиан много времени проводил в одиночестве: Галл не мог составить ему компанию из-за различия в интересах.

Юлиан предпочитал уединенно наблюдать за природой и читать греческих классиков. Так он заинтересовался язычеством, которое из всех религий наиболее полно передавало единение человека и природы. Позже, у малоазийских и греческих софистов он перенял чувство превосходства эллинов и их культуры перед другими народами.

Таким образом, Юлиан подошел к язычеству осмысленно, как нужно подходить к любой религиозной системе. Тем не менее, основная часть

¹¹³ Буассье Г. Последние времена язычества. Исторические очерки конечных религиозных столкновений на Западе в IV в. / Пер. Н. Трескин. - СПб., 1893.- С. 456.

¹¹⁴ Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism. Oxford, 1981. - P. 185.

свободного времени императора посвящалась служениям богам. Ввиду того, что император не располагал возможностями частого пребывания в храмах, он воздвигнул на территории дворца жертвенники всем богам (Lib. Orat. 27) и старался принимать участие во всех праздниках и церемониях, не гнушаясь выполнять работу прислужника храма (Ibid.).

Английский исследователь Г. Бауэрсок утверждает, что в представлениях Юлиана, языческая империя – это не государство, где язычники могут свободно исповедовать свое религиозное убеждение, а государство, где языческий культ является официальным¹¹⁵. Именно поэтому Юлиан издал указы о поощрении тех городов, проявившие уважение к язычеству.

Церковный историк Созомен пишет, что Юлиан «повелел поправлять заброшенные храмы, разрушенные восстановить и строить новые жертвенники богам, изобрел для них источники доходов, восстановил древние обряды, городские празднества и жертвоприношения, удостоивал великих почестей, тайно действателям, жрецам, иерофантам и служителям при идолах возвратил древние преимущества и подтвердил права, дарованные им прежними царями, также освободил их от должностей и других повинностей, от которых они некогда освобождены были, а храмовым попечителям отдал отнятые у них хлебные запасы... и городским общинам часто писал, что городам, обратившимся к язычеству, он позволяет просить, каких хотят даров, а к тем, которые оставались в Христианстве, имел явное отвращение и не хотел ни сам посещать их, ни допускать к себе их послов, если бы они вздумали приносить ему какие-либо жалобы» (Soz. HE, V, 3-4).

Специфика политики по отношению к религии нашла свое отражение в основном в христианских источниках (Greg. Naz. Or. 4; Soz. HE, V, 16). Ученые полагают, что в стремлении императора было осуществление своей реформы при помощи употребления некоторых христианских принципов,

115 Bowersock G. W. Julian the Apostate. - Cambridge, 1978. - P. 71.

таких как нравственная строгость и чистота. В надеждах Юлиана было внедрение в язычество новой жизни и создания новой политеистической церкви, которая могла бы составить конкуренцию христианству¹¹⁶.

Рассмотрение данного вопроса является возможным при использовании писем Юлиана, которые адресованы жрецу Галатии, Арзакию, жрецу Азии Феодору и письмо к неизвестному жрецу, где были составлены подробные инструкции о том, каким он видит идеального служителя культа. Так, к примеру, Ж. Биде именует эти послания Юлиана как «энциклики» или «пастырские послания»¹¹⁷, проводя прямую параллель между языческим императором и христианским епископом.

В своих письмах Юлиан указывает на то, как должны выбираться жрецы. Для него является неважным бедный это человек или богатый, обязательно чтобы он привел бы всех своих домашних к вере, творил милостыню. В свою очередь, население города должно относиться к жрецу с уважением независимо от его происхождения или материального состояния.

Таким образом, идеальным служителем культа у Юлиана является не римский жрец, который участвует в политической и светской жизни города, и не восточный жрец, который предается различным утехам, по мировоззрению и укладу жизни он больше всего напоминает христианского священника. В своих письмах к неизвестному жрецу император упоминает о том, какие реформы были внесены им в структуру жречества. И, стоит сказать, что эти преобразования имеют многие сходства с организацией христианской церкви¹¹⁸.

116 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношение к христианству. - Казань, 1877. - С. 189.

117 Bidez J. La vie de empereur Julien. P., 1930. P. 266; Nicholson O. The 'Pagan Churches' of Maximinus Daia and Julian the Apostate. - P. 1.

118 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 103.

Подобная попытка религиозной реформы, заключающаяся в стремлении Юлиана втиснуть язычество в структурные рамки христианства, скорее всего, изначально была утопическим проектом и заранее была обречена на неудачу. Однако не стоит связывать этот проект с возможным психическим состоянием Юлиана, как пытались некоторые исследователи¹¹⁹. Просто проект Юлиана уже не отвечал ни требованиям времени, ни духовным вкусам общества.

Суровость и аскетичность нового язычества не нашла отклика в душах населения империи. Римский народ ценил язычество не только за богатство культуры и принадлежность к ней своих предков, но и за известную античную свободу нравов, за красочность и пышность, за игры и зрелища, проходившие под эгидой прославления богов. Поэтому стремление Юлиана искоренить у подданных любовь к зрелищам и цирковым представлениям, оттолкнуло от него и язычников.

П. Аллар сравнивает правление Юлиана с картиной, нарисованной самим Юлианом в произведении «Пир или Цезари»: сирийские женщины посадили в землю срезанные цветы, и те, не имея корней, к концу дня завяли. Реформы Юлиана в религиозной сфере не имели базы, поэтому подобно цветам не прижились¹²⁰.

Что же касается отношения Юлиана к христианству, то главный вопрос, который встает перед исследователями при изучении взаимоотношений Юлиана с христианской церковью, это вопрос о политике Юлиана в качестве этапа антихристианского гонения. Данный вопрос сформировался под влиянием общего мнения церковной традиции в лице Григория Богослова, Созомена, Сократа Схоластика, Феодорита и других¹²¹.

119 Bouffartigue J. L'état mental de l'empereur Julien // REG.T. CII, 1989. - P. 529.

120 Allard P. Julien l'Apostat. Paris, 1910. V. II. - P. 231.

121 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 105.

Тем не менее, стоит отметить, что целью Юлиана не являлось кровопролитие христиан в стране, наоборот, он полагал, что данные действия поспособствуют популяризации христианства за счет роста числа мучеников. Император отлично знал историю церкви на протяжении первых 3 веков. Ввиду этого, он констатировал, что массовое уничтожение христианства, применяя физическую силу, будет иметь малый эффект. Его целевой установкой было превращение язычества в конкурента христиан, чтобы приверженцы христианства снова перешли в старую веру. Поэтому первым принципом его религиозной политики стало объявление религиозной терпимости.

Общеизвестно, что факт мученичества является это одним из первостепенных признаком гонения и христианские историки были уверены в том, что Юлиан являлся одним из гонителей церкви. Также они считали, что неожиданная смерть императора в персидском походе в 363 г. является Божьим наказанием не только по причине отступничества, но и из-за гонения христиан.

Таким образом, можно сформулировать два ключевых вопроса, связанных с актами мучеников в правление Юлиана Отступника:

1. можно ли считать мученические казни, происходившие во времена правления Юлиана Отступника результатом антихристианского гонения,
2. являются ли свидетельства христианских историков о мучениках при Юлиане компетентным историческим источником или христианской провокации в адрес императора-язычника.

Относительно антихристианского гонения при Юлиане сформировалась такая точка зрения английского исследователя Н. Байнса, который констатировал то, что Юлиан не являлся гонителем христиан в принятом значении этого слова, наоборот, христиане неоднократно упрекали императора в том, что он отказал им в славе мучеников¹²².

122 Baynes N. H. Constantine's Successors to Jovian and the Struggle with Persia // САН / Ed. H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. Vol. I. Cambridge, 1911. - P.80.

Наиболее полное упоминания о факте наличия мучеников во время правления Юлиана дошло до нас благодаря церковному историку V века Эрмия Созомена. В своем труде «Церковная история», Созомен отвел рассказам о мучениках практически целую пятую книгу. Но очень важно осторожно относиться к сообщениям данного историка ввиду того, что отношение Созомена к Юлиану было недоброжелательным, историк считал его самым большим языческим злом, часто прибегая к использованию в своем труде легенд для повышения читательского интереса¹²³.

Свое повествование о мучениках Созомен начинает с широко известного погрома в Александрии, который произошел по истечению двух недель после вступления Юлиана на престол, 24 декабря 361 г. Во время этого бунта александрийская толпа растерзала Георгия, епископа Каппадокийского, арианина и бывшего воспитателя Юлиана (Soz. Hist. Eccl., V, 7).

Более того, историк пишет, что Георгий был сам виноват в недружелюбном отношении жителей Александрии. Он злоупотреблял властью, пользуясь расположением императора Констанция II, практиковал доносы и неоднократно брал взятки. Наконец, он предложил императору Констанцию взимать налог со всех зданий, стоящих на территории Александрии, так как они были построены еще Александром Македонским с затратами больших государственных денег (Ibid.). Получается, что эти убийства можно считать результатом гражданского неповиновения, и нет никаких причин обвинять Юлиана в потворстве язычникам.

Другим известным мучеником во время Юлиана считают престарелого епископа Марка из города Аретуза. Практически все христианские историки оставили о нем свидетельства (Gr, Naz. Or. IV, Soz. Hist. Eccl., V, 10; Theod. Hist. Eccl., III, 7). В свое время Марк разрушил один из крупных языческих храмов на территории Аретузы. За это толпа подвергла его весьма

123 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношение к христианству. - Казань, 1877. - С. 193.

изощренной пытке: его вымазали медом и оставили на растерзание пчелам и осам, тем не менее, Марк остался в живых. Никакой реакции со стороны императора не последовало, поэтому христианские историки единодушно обвинили Юлиана в равнодушии.

Григорий Богослов, рассказывая об этом случае, подчеркивает жестокость Юлиана тем, что полагает, что Марк Аретузский был одним из двух христианских священников, спасших малолетних Галла и Юлиана во время трагических событий 9 сентября 337 г. (Gr. Naz. Or. IV).

Однако эта версия нигде более не подтверждается, поэтому мы склонны считать это христианской легендой. Впрочем, мучения Марка Аретузского, скорее всего, является историческим фактом, как и убийство Георгия Каппадокийского, так как оба этих случая находят подтверждение у языческих авторов. Так, Григорий Богослов упоминает наместника претора Саллюстия, язычника, который возмущен такой изощренной пыткой и полагал, что число мучеников только укрепит популярность христианства (Ibid.)

Юлиан не позволил убить Марка, несмотря на возможные поползновения со стороны аретузцев – настолько его восхитила стойкость престарелого епископа. Поэтому попытки обвинить Юлиана в жестокости и увеличении числа мучеников со стороны христианских историков выглядят как явное стремление исказить образ Юлиана, представив его как бездушного гонителя.

То, что он не наказал Аретузу за издевательства над Марком, вполне объясняется его расстройством по поводу разрушенного храма и подтверждает импульсивность его натуры. Тем не менее, случай с Марком Аретузским более подходит под категорию мученичества за веру, нежели убийство Георгия Каппадокийского¹²⁴.

124 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 125.

Следует отметить, что чаще всего среди мучеников мы находим представителей клира. Созомен приводит сведения о мученической смерти пресвитера Феодора, сосудохраниителя Антиохийской церкви (Soz. Hist. Eccl., V, 8). Феодор отказался выдать священные сосуды, которые дядя императора, тоже Юлиан, изымал по приказу императора в царские сокровищницы. Тогда Юлиан выхватил меч и убил пресвитера на месте. За это, пишет Созомен, он умер в страшных мучениях (Ibid.).

В 360 г. арианский собор под председательством Евдоксия запретил Василию какую-либо церковную деятельность. Однако Василий продолжал проповедовать с еще большим пылом, и теперь он призывал верных не принимать почестей от императора-отступника¹²⁵.

В конце концов, Василия посадили в тюрьму по приказу городского префекта и в 362 г. казнили (Soz. Hist. Eccl., V, 11). Греческая церковь почитает память этого мученика 22 марта. Еще один житель Анкиры, Бузирис, член секты энкратиков (воздержников), был арестован за публичные издевательства над языческими святынями (Soz. Hist. Eccl., V, 11). Его тоже должны были казнить, однако освободили, когда с Востока пришла весть о смерти Юлиана. После этого Бузирис, доживший до времени Феодосия Великого, обратился в христианство.

То, что мучениками по большей части являлись служителями церкви, однако, существуют сведения и о мучениках среди рабов и в армии. Церковный историк Феодорит Киррский повествует о мученической смерти Эмилиана из города Доростола на Дунае, раба местного градоначальника, тайно исповедовавшегося христианство (Theod. Hist. Eccl., III, 7). Эмилиан был сожжен заживо на публике ввиду разрушения языческих идолов¹²⁶.

Говоря о мучениках в рядах армии, то стоит дать характеристику политики Юлиана по отношению к языческому культу в войсках. Я.

125 Там же. – С. 129.

126 Алфионов Я. Император Юлиан и его отношение к христианству. - Казань, 1881. - С. 128.

Алфионов замечает, что, если галльские легионы за время походов Юлиана против франков и аламаннов, были преданы императору, то восточные легионы уже привыкли к христианскому Лабаруму¹²⁷. Ввиду этого, император хитрил, к примеру, во время больших праздников войско получало от Юлиана подарки.

Можно сделать вывод, что эпоха правления Юлиана Отступника действительно характеризовалась и наличием мученических смертей христиан. Однако стоит отметить, что чаще всего они происходили по приказу местных властей, а не императора.

Можно сказать, что сам Юлиан не издал ни одного приказа о казни из-за религиозных убеждений. Кроме того, некоторые сведения, приводимые христианскими историками, можно считать провокацией и искажением образа Юлиана (например, смерть гелиопольских дев), а некоторые мученичества являлись актами мести язычников, чьи права были существенно ограничены предшественником Юлиана, императором Констанцием II, или результатом городской смуты.

Однако эти смерти не могут считаться прямым доказательством антихристианского гонения, начатого Юлианом. Но зато они свидетельствуют об ужесточении политики Юлиана по отношению к христианству.

2.3. Внешняя политика. Персидский поход

Главной внешнеполитической задачей Юлиана была борьба с Сасанидским царством, которую с переменным успехом вели его предшественники¹²⁸. Эта проблема осталась ему в наследство от Констанция

127 Там же - С. 142.

128 Bullough V.L. The Roman Empire vs. Persia, 363-502: A Study of Successful Deterrence // The Journal of Conflict Resolution, 1963. Vol. 7. No. 1. - P. 55.

II: на протяжении многих лет персы вторгались на римскую территорию, грабили и разрушали города. Во главе Сасанидского царства стоял Шапур (Сапор) II, сын Гормуза (Гормизда) и внук падишаха Царсеца, которого в 297 г. сокрушил август Галерий, заставив признать римское могущество.

Юлиан взялся за подготовку к войне с присущей ему во всех делах энергией. Р. Смит указывает на личную заинтересованность Юлиана в персидском походе, проводя параллель между Юлианом и Александром Великим. Армия подверглась серьёзным реформам. Так, со времени Константина римские легионеры перестали носить всё необходимое на себе и стали водить за собой осликов с поклажей. Юлиан пресёк такую практику и ввёл в войсках упорные тренировки, и при нём широко стали использоваться шлемы с забралом и всеобщим стало использование кольчуги.

К предстоящей войне император подготовился наилучшим образом, показав себя отличным организатором. Юлиан собрал внушительное войско, насчитывающее более 60 000 человек. Помимо этого, были заготовлены военные запасы, оружие, осадные машины и продовольствие, приглашен вспомогательный отряд от армянского царя, заготовлен огромный флот на Евфрате для доставки вооружения и запасов¹²⁹.

Кампания продвигалась с большим успехом. Как писал историк Евтропий, несколько персидских крепостей сдались Юлиану без боя, и он, продвинувшись вглубь страны, подошел к столице Персии, Ктесифону (Eutr. Brev., X, 16.1). Однако взять неприступный город, войска не смогли, и 16 июня 363 г. император двинулся в обратный путь. Несмотря на успехи, римская армия была измучена трудным походом, пролежавшим по засушливой местности под палящим летним солнцем¹³⁰. Положение с провиантом было настолько катастрофическим, что, по словам Аммиана,

129 Smith R. The Casting of Julian the Apostate «in the Likeness» of Alexander the Great: a Topos in Antique Historiography and its Modern Echoes // *Histos*. 2011. Vol. 5. - P. 48.

130 Blockley R. C. The Romano-Persian treaties of ad 299 and 363 // *Florilegium*. 1984. Vol. 6. - P. 39.

Юлиан распорядился раздать совсем обнищавшим и ослабевшим солдатам продукты, приготовленные для царского стола (Amm., XXV, 2).

26 июня 363 г. недалеко от города Самарра (который находился в нескольких десятках километров от современного Багдада) произошла стычка римлян с персидским отрядом. Юлиан, оказавшийся в самой гуще сражения, получил рану метательным копьём и потерял много крови. Ранение оказалось смертельным, и к ночи Юлиан скончался. Аммиан, который, скорее всего, присутствовал в палатке, пишет, что перед смертью Юлиан обратился к своим приближенным с проникновенной речью (Amm., XXV, 3-4). Историк Евтропий сообщает, что Юлиан «ввязался необдуманно в сражение и был убит вражеской рукой на 6 день до июльских календ, в возрасте 32 лет и был причислен к Богам» (Eutr. Brev, X, 16.1).

Именно эта версия смерти Юлиана носит официальный характер¹³¹. Однако, как языческие, так и христианские авторы полагали, что гибель императора Юлиана не носила случайный характер. Многие придерживались того мнения, что убийцей императора мог быть не персидский воин, а римлянин. Ритор Либаний в «Надгробной речи», которая посвящена Юлиану, произнес такую фразу, которая свидетельствовала о том, что убийца Юлиана не перс, ввиду того, что награда, которая была обещана Шапуром II за устранение Юлиана, так и не была вручена (Lib. Or. XVIII, 274).

Либаний отчетливо дает намек на то, что император был убит людьми, которые были недовольны его преобразованиями не только в сфере религии, но и в административной и финансовой сфере (Ibid., 275-278).

Конечно, предположение о том, что Юлиан обладал врагами и не только среди христиан, но и среди язычников имеет место быть. Многие языческие авторы полагали, что несчастье, связанное со смертью Юлиана могло и произойти и по вине самого императора, не обратившего внимания на зловещие предзнаменования накануне битвы. Аммиан пишет, что незадолго

131 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 115.

до сражения император и его свита наблюдали огненный метеор, который промчался по небу (Amm., XXV, 2). Он замечает, что такие физические явления распространены и даже приводит объяснения этого феномена. Однако войско было напугано, и явившиеся по приказу императора жрецы-гаруспики объявили, что это был недобрый знак, и следует воздержаться от сражения, как написано в Тарквиниевых книгах, в главе о небесных светилах (Ibid.).

И, как пишет Аммиан, клятву свою он сдержал, так вскоре погиб (Amm., XXIV, 16). Христианские историки полагали, что такая неожиданная кончина, несомненно, является Божьим возмездием Юлиану за выпады в сторону христианства. Феодорит Киррский и Созомен полагают, что император осознал перед смертью неправильность своих взглядов, и, поэтому с горечью воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!» (Theod., HE, 20; Soz., HE, VI, 2). В историографии этот эпизод считают христианской легендой¹³².

Итак, презрев все предсказания, сулившие неудачу, Юлиан приказал войску выступить. Когда император из своей ставки наблюдал за движением своего войска, ему сообщили, что персидский отряд внезапно атаковал римский арьергард с тыла (Amm., XXV, 3). Это известие настолько взволновало Юлиана, что он выбежал из ставки, не надев панциря. Об этой неразумной поспешности Юлиана упоминают почти все языческие авторы, полагая, что это обстоятельство стало косвенной причиной гибели Юлиана (Ibid., Eutr. Brev., X, 16.1, Aur. Vict. Caes., 43.2).

Император сражался в первых рядах, что было в высшей степени неразумно, однако можно найти объяснение действиям Юлиана. Так как войско присутствовало при злополучном жертвоприношении, а потом еще и было испугано огненным метеором, и все солдаты уже устали от долгого и утомительного похода, можно предположить, что легионы были деморализованы.

132 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 116.

Юлиан, чьи военные таланты не подвергались сомнению, знал об этом и вполне мог предвидеть неудачный конец сражения. Поэтому император, забыв о личной безопасности, поспешно бросился в бой, чтобы личным примером воодушевить солдат. И, как пишет Аммиан вдруг, неизвестно откуда, ударило кавалерийское копье, рассекло руку, пробило ребро и застряло в нижней части печени (Амм., XXV, 3). Рана была серьезной, поэтому Юлиана тут же понесли в палатку для оказания медицинской помощи, при этом император требовал коня, чтобы вновь сражаться. Несмотря на медицинское искусство личного врача Юлиана, Орибасия, кровотечение из раны усилилось, и Юлиан скончался от потери крови¹³³.

Несмотря на то, что смерть Юлиана была нелепа и, как видно, во многом стала следствием его собственной поспешности, его поведение, как императора и полководца достойно уважения и восхищения. Его рана, как мы видим, была очень серьезной, а походные условия еще больше усложняли работу врача. Однако часто бывает так, что жизнь раненого можно спасти, если он сам этого хочет. Перед смертью он осведомился у окружающих, как называется место, где он был ранен. Когда ему сказали – Фригия (Phrygia), Юлиан потерял всякую надежду на выздоровление, ибо раньше ему было письменное предсказание, что он погибнет близ этой местности (Ibid.).

По всей видимости, после того как пророчество сбылось, Юлиан приобрел совершенное спокойствие, и оставшиеся часы он провел в беседе со своими друзьями-философами, Приском и Максимом Эфесским. Примечательна речь, которую Аммиан приписывает Юлиану. Исследователи не сомневаются, что историк просто выдумал этот эпизод, чтобы смерть императора выглядела более эффектной и больше соответствовала его образу философа на троне.

Аммиан пишет, что «какая-то счастливая звезда сопровождала этого молодого человека от его благородной колыбели до последнего его вздоха»

133 Weinstock C. Julian the Apostate Dying in Persia // Poetry. 1930. Vol. 36. No. 2. - P. 63.

(Amm. Marc., XVI, 1). Со стороны может показаться, что ставший императором в 30 лет Юлиан, получивший отличное образование, встречавшийся с самыми известными философами того времени человек, одинаково популярный и среди населения и среди войск, действительно баловень судьбы¹³⁴.

Можно сказать, что Юлиан заплатил высокую цену за то, чтобы стать императором – он стал отступником, и под этим именем остался в веках. Многие забыли, каким талантливым писателем он был, каким храбрым военным и предприимчивым политиком – люди запомнили его лишь как последнего императора-язычника. У Юлиана были все задатки для того, чтобы стать не менее выдающимся христианским императором, чем его дядя, Константин Великий. Одаренный от природы и впечатлительный по натуре, он был необычайно восприимчив и гибок – христианская вера могла пустить в этой душе прекрасные ростки. Он быстро учился, но при этом обладал необычайно глубокой силой веры и набожностью. В детстве такой человек представлял собой податливый материал, из которого можно было вылепить что угодно.

Однако Юлиан как будто родился не в свое время. В самом раннем детстве он пережил величайшую трагедию, наложившую отпечаток на формирование его личности. И немалая вина за это лежит на Констанции II, допустившем кровавую расправу над членами своей семьи. Констанций был христианин, а те, кто его окружал – тоже были христианами. Юлиан был слишком мал, чтобы разбираться в догматических спорах внутри церкви. Поэтому он перенес свою ненависть на всю христианскую религию.

Положение можно было исправить, если бы при нем находился человек истинной веры, хорошо образованный и преданный делу церкви. Такой наставник сумел бы залечить раны в душе Юлиана. Но волею случая воспитателями Юлиана стали люди, далекие от какой-либо веры вообще: это

134 Пак Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / канд. дисс. – СПб., 2014. – С. 117.

были или политические интриганы, подобно Евсевию Никомидийскому, или корыстные карьеристы, подобные Экиволию. К тому же они воспринимали Юлиана, как досадную помеху, или как ценную вещь, которую требовалось охранять.

Меньше всего воспитатели Юлиана были заинтересованы в том, каким растёт их подопечный, что на самом деле привлекает его. Они обучали его, но не заботились о его духовном развитии. Об этом заботился евнух Мардоний, бывший воспитателем матери Юлиана, Василины и перенесший эту любовь на ее сына. Мардоний был язычником, как и были язычниками и Либаний, и Максим Эфесский, представители языческой интеллигенции, разглядевшие в Юлиане необычайно одаренную в духовном плане натуру. Они приложили все силы, чтобы развить этот талант, и среди них Юлиан чувствовал себя своим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем дипломном исследовании нами была предпринята попытка комплексного анализа некоторых аспектов правления императора Юлиана Отступника, а также рассмотрения личности императора и той среды, в которой он родился и вырос, обстоятельства его прихода к власти, его окружение, благодаря которому сформировались его взгляды на власть, религию и общество.

Анализируя деятельность Юлиана Отступника, можно сказать, что его правление пришлось на довольно-таки тяжелый исторический период, когда наметился переход от античности к византийской империи, который в свою очередь сопровождался различными кризисными явлениями во всех сферах жизни империи. Это свидетельствовало об окончательном отмирании античной государственной модели, и этот процесс начался задолго до воцарения Юлиана.

Тем не менее, Юлиан Отступник показал себя как император, который придерживался достаточно консервативных политических взглядов, в некоторых моментах даже регрессивных. Свидетельством этому являются проведенные внутривластные реформы, которые были направлены на восстановление в империи режима принципата и возвращения культурных, религиозных и общественных традиций «Золотого века» Римской империи.

Что касается взглядов Юлиана, то с ними можно ознакомиться в его собственных сочинениях, сформировавшихся под воздействием обстановки, окружения и событий второй половины IV века, поэтому его правление отразило все проблемы Римской империи в этот период и реакцию на них правителя и писателя.

Особенный интерес для нашего исследования представила реформа Юлиана в области религии, которой он сам придавал первостепенное значение.

Обобщая религиозную политику Юлиана, можно отметить, что она на протяжении относительно короткого времени приобретала все более жесткие черты. Даже фанатичная религиозность Юлиана не помешала ему увидеть, что христианская церковь сильна настолько, что даже внутренние междоусобицы уже не наносят ей существенного вреда, а язычество с трудом облекается в новые организационные формы. Ввиду этого император, применив свою силу и власть, не допускает дальнейшего усиления противника. Несмотря на то, что христианская традиция показывает императора Юлиана сумасшедшим и одержимым язычником, действующим по приказу дьявола, политика Юлиана представляет собой грамотную систему мер, при ином стечении обстоятельств, разумеется, в иное время, могла бы иметь успех и повлечь за собой значительные изменения.

Тем не менее, к главной неудаче Юлиана в ведении внутренней политики можно отнести именно провал религиозной реформы, которая была направлена на восстановление языческого культа и придание язычеству структурный черт, свойственных христианству. Юлиану просто нечего было противопоставить христианству, а попытка облечь изжившее себя язычество в организационные рамки христианства изначально казалась утопической. Многие церковные историки, к примеру, такие как Сократ, полагали, что религиозные преобразования Юлиана не могли всерьез изменить ход внутрицерковной жизни IV века.

Несмотря на то, что мировоззрение Юлиана формировалось под влиянием внешних факторов, все его преобразования исходили лично от него самого. Поэтому при рассмотрении любого сюжета, относящегося к периоду правления Юлиана особое внимание было уделено анализу личности и поступков самого императора. Мы считаем, что в отношении Юлиана Отступника следует больше учитывать личные качества правителя, нежели внешние причины. При этом, у Юлиана были все задатки для того, чтобы стать не менее выдающимся христианским императором, чем его дядя, Константин Великий.

Тем не менее, некоторые события биографии Юлиана оставили огромный след в формировании его личностных качеств. Юлиан и в литературных произведениях, и в философских трактатах, и в своих письмах оставался одинаковым. Менялись темы, задачи, акценты, стили, но автор оставался прежним: импульсивным, эмоциональным, суеверным и религиозным до крайности, преданным идеалам классической древности, твердо уверенным в своей богоизбранности, сложным человеком со сложной судьбой. Тем не менее, Юлиан не только сумел не раствориться в своих разноплановых сочинениях, но и не дать им раствориться в глубине веков.

При этом Юлиан был как будто создан для блестящего будущего императора, о чем свидетельствуют быстрые и внезапные перемены в его жизни. Со стороны может показаться, что ставший императором в 30 лет Юлиан, получивший отличное образование, встречавшийся с самыми известными философами того времени человек, одинаково популярный и среди населения и среди войск, действительно баловень судьбы. Однако на самом деле Юлиан заплатил высокую цену за то, чтобы стать императором – он стал отступником, и под этим именем остался в веках. Многие забыли, каким талантливым писателем он был, каким храбрым военным и предприимчивым, в памяти людей он остался как последний император – язычник.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Аврелий Виктор. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях / Пер. с лат. В. С. Соколова // ВДИ. 1963. № 4, 1964. – С. 44-61.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского. – М.: Фонд поддержки науки и образования, 2000. – 576 с.
3. Евсевий Памфил. Церковная история. – М.: Пальмира, 1993. – 492 с.
4. Евтропий. Краткая история от основания Города / Пер. с лат А.И. Донченко // Римские историки IV в. – М.: РОССПЕН, 1997. – С. 72-165.
5. Григорий Богослов. Собрание творений. В 2 т. / Пер. Моск. дух. акад. – Мн.: Харвест, 2000. – 1285 с.
6. Зосим. Новая История / Пер., комм., указ. Н.Н. Болгова. — Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. — 344 с.
7. Либаний. Речи / Пер. С.П. Шестакова. – СПб.: Квадривиум, 2012. – 1530 с.
8. Павел Орозий. История против язычников. Книги I-VII / Пер. с лат., вступит ст., комм., и указатель В. М. Тюленева. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. – 544 с.
9. Пруденций Клемент Аврелий. Сочинения. – М.: Водолей, 2012. – 265 с.
10. Церковная история // Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. – СПб.: Издательство Олега Абышко. 2005. – 286 с.
11. Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Авербах, 1995. – 464 с.
12. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. – М.: Изд-во Секачев, 2014. – 668 с.
13. Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1993 – 240 с.
14. Юлиан. Письма / Пер. Д. Е. Фурмана под ред. А. Ч. Козаржевского. // ВДИ. – 1970. № 1-4. – 72 с.

15. Юлиан Император. Сочинения / Пер. Т. Г. Сидаша. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 428 с.

Исследования

16. Аверинцев, С.С. Император Юлиан и становление «византинизма» // Традиция в истории культуры / С.С. Аверинцев – М.: Наука, 1978. – С. 5-20.

17. Алфионов, Я. Император Юлиан и его отношение к христианству / Я. Алфионов – Казань, 1877. – 352 с.

18. Буассье, Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на западе в IV в. // Собрание сочинений. – Т. 5. – СПб.: Петрополис, 1994. – 400 с.

19. Бенуа-Мешен, Ж. Юлиан Отступник / пер. М.В. Бибикова. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 272 с.

20. Болотов, В. В. Лекции по истории Древней Церкви. В 4 томах. – Т. 3: История Церкви в период Вселенских Соборов. / В.В. Болотов – М.: Типография М. Меркушева, 1994. – 612 с.

21. Васильев, А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). / А.А. Васильев – СПб.: Алетейя, 1998. – 968 с.

22. Вишняков, А. Император Юлиан Отступник и литературная полемика с ним св. Кирилла Александрийского в связи с предшествующей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. / А. Вишняков – Симбирск: Губернская типография, 1908. – 246 с.

23. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской империи / Э. Гиббон – СПб.: Наука, 2006. – 383 с.

24. Голдсуорти, А. Во имя Рима. Люди, которые создали историю. / А. Голдсуорти. – М.: Транзиткнига, 2006. – 542 с.

25. Григорюк, Т. Флавий Юлиан и высшие чиновники Империи / Т. Григорюк // Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории. – Ярославль, 2009. – 110 с.

- 26.** Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк – Т. 2. – СПб.: Наука, 1999. – 418 с.
- 27.** Дмитриев, В.А. Юлиан Отступник: человек и император / В.А. Дмитриев // Метаморфозы истории: Альманах. – Вып. 3.– Псков, 2003. – С. 246–258.
- 28.** Зелинский Ф.Ф. Римская империя / Пер с польск. и подбор. илл. Н.А. Папчинской. – СПб.: Алетейя, 1999. – 252 с.
- 29.** Казаков, М.М. Христианская церковь и Римская империя в IV в. // Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, Реформация). – Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 1999. – С. 24-44.
- 30.** Карташев, А. В. Вселенские соборы. / А.В. Карташев. – СПб.: Наука, 2002. – 640 с.
- 31.** Ковалев, С.И. История Рима / С.И. Ковалев. - М.: Полигон, 2006. – 864 с.
- 32.** Курбатов, Г. Л. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь / Г.Л. Курбатов – Л.: Лениздат, 1988. – 336 с.
- 33.** Лукомский, Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его время / Л.Ю. Лукомский // Аммиан Марцеллин. История. – СПб.: Наука, 1996. – С. 5 -21.
- 34.** Мехмадиев, Е.А. Византийская армия в IV – начале V вв. (проблемы организационной структуры) / Е.А. Мехмадиев. Автореферат дисс...кандидата ист. наук. – СПб., 2012. – 31 с.
- 35.** Моммзен, Т. История Римских императоров: по конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей, 1882-1886 гг. / пер. с нем. Т.А. Орестовой. – СПб.: Ювента, 2002. – 642 с.
- 36.** Муравьев, А.В. Флавий Клавдий Юлиан в Антиохии в преддверии персидской кампании 363 г. / А.В. Муравьев // ВДИ. – 2004. – №4. – С. 179-190.
- 37.** Новиков, А.А. Бегство от страха императора Юлиана / А.А. Новиков // Античность и средневековье Европы: межвузов. сб. науч. тр. / Под ред. И.Л. Маяк. – Пермь, 1996. – С. 78-85.
- 38.** Пак, Е.А. Политическая деятельность и литературное творчество императора Юлиана Отступника / Е.А. Пак. Канд. дисс. – СПб., 2014. – 187 с.

39. Попова, Т.В. Письма императора Юлиана / Т.В. Попова // Античная эпистолография. Очерки. – М.: Наука, 1967. – С. 226–259.
40. Ранович, А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. - М.: Политиздат, 1990. – 479 с.
41. Розанов, Н.П. Евсевий Памфил, епископ Кесарийский / Н.П. Розанов – М.: Типография М.Н. Лаврова, 1881. – 220 с.
42. Розенталь, Н.Н. Юлиан Отступник: трагедия религиозной личности. / Н.Н. Розенталь. – Петроград, 1923. – 112 с.
43. Севальнева, И.А. Боги в представлении Юлиана Отступника (письма и трактат «Против галилеян») / И.А. Севальнева // Историческая мысль в античности и средневековье: сб. науч. ст. – Иваново, 1996. – С. 14-16.
44. Солопова, М.А. Юлиан Флавий Клавдий / М.А. Солопова // Античная философия: Энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 2008. – 896 с.
45. Удальцова, З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.) / З.В. Удальцова – М.: Наука, 1974. – 352 с.
46. Удальцова, З.В. Источники по истории Византии IV – первой половины VII в. / З.В. Удальцова // История Византии: В 3-х томах. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – С.47–50.
47. Успенский, Ф.И. История Византийской империи / Ф.И. Успенский – Т. 1: VI - IX вв. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
48. Фёдорова, Е.Л. Война и история в «Деяниях» Аммиана Марцеллина / Е.Л. Федорова // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. – Иваново, 2002. – С. 14–21.
49. Федорова, Е.Л. Личность и толпа как участники политических конфликтов у Аммиана Марцеллина / Е.Л. Федорова // Социально-политические конфликты в древних обществах. – Иваново: Изд-во Ивановского госуниверситета, 2001. – С. 87 – 99.
50. Фурман, Ф.Е. Внутренняя политика императора Юлиана (361 – 363) / Ф.Е. Фурман. Автореф. канд. дисс. – М., 1968. – 25 с.
51. Холмогоров, В.И. Римская стратегия в IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина / В.И. Холмогоров // ВДИ. 1939. - №3. - С. 87–93.

- 52.** Adler, M. The Emperor Julian and the Jews // The Jewish Quarterly Review. – 1893. – Vol. 5. No. 4. – P. 591-651.
- 53.** Armstrong, G.T. Imperial Church Building and Church-State Relations, A. D. 313-363 // Church History. – 1967. – Vol. 36. No. 1. – P. 3-17.
- 54.** Athanassiadi-Fowden, P. Julian and Hellenism. – Oxford; Oxford Univ. Press, 1981. – 246 p.
- 55.** Barnes, T.D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 290 p.
- 56.** Barnes, T.D. Emperors, panegyrics, prefects, provinces and palaces // The Journal of Roman Studies. – 1996. – Vol. 9. – P. 532–552.
- 57.** Barnes, T.D. Legislation against the Christians // The Journal of Roman Studies. – 1968. – Vol. 58. Parts 1 and 2. – P. 32-50.
- 58.** Baynes N. H. The Early Life of Julian the Apostate // The Journal of Hellenic Studies – 1925. – Vol. 45. Part 2. – P. 251-254.
- 59.** Blockley, R.C. Festus' Source on Julian's Persian Expedition // The Classical Philology. – 1973. – Vol. 68. No. 1. – P. 54-55.
- 60.** Brodd, J. B. Apostate, philo-Semite, or syncretic Neoplatonist?: Julian's intentions for rebuilding the Jerusalem temple. Ph.D. diss. - University of California, Santa Barbara, 1992. – 220 p.
- 61.** Dvornik, F. Early Christian and Byzantine political philosophy: Origins and Background. - Washington, 1966. - P. 660-665.
- 62.** Gardner, A. Some Recently Published Letters of the Emperor Julian // English Historical Review. – 1887. – Vol. 2. No. 7. - P. 518-520.
- 63.** Hardy, B. C. The Emperor Julian and His School Law // Church History. – 1968. Vol. 37. – P. 131-143.
- 64.** Hay, Gillies C. Julian the Apostate in Montaigne and Vigny // The Modern Language Review. – 1960. – Vol. 55, No. 4 – P. 578-579.
- 65.** Lieu, S.N.C., Montserrat D. From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine views: Source history. - London: Routledge, 1996. – 191 p.
- 66.** Millar, F. Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, Excuses and Status // The Journal of Roman Studies. 1983. Vol. 73. - P. 86-99.
- 67.** Negri, G. Julian the Apostate. – London, 1905. – 480 p.
- 68.** Nixon, C. E. V. Aurelius Victor and Julian // The Classical Philology. – 1991. – Vol. 86. No. 2. – P. 113-125.

- 69.** Ridley, R.T. Julian the Apostate and the Rise of Christianity. – L., 1937.
– 222 p.
- 70.** Scotton P.D. A New Fragment of an Inscription from the Julian Basilica at Roman Corinth // *Hesperia*. 2005. Vol. 74, No. 1. - P. 95-100.
- 71.** Thompson, E.A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. – Cambridge University Press; New York: The Macmillan Company, 1947. – 344 p.